

очарование

ДЖО БЕВЕРЛИ

Счастье
под запретом

Компания плутов

Джо Беверли

Счастье под запретом

«Издательство АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Беверли Д.

Счастье под запретом / Д. Беверли — «Издательство АСТ»,
1994 — (Компания плутов)

ISBN 978-5-17-136606-3

После нескольких лет мучительного брака прекрасная Серена, проданная алчными братьями в жены старому развратнику, овдовела. Увы, братья планируют продать ее вновь, и единственный выход – побег и сомнительная участь куртизанки. Однако неожиданная ночь страсти, проведенная с молодым аристократом Френсисом, изменила для Серены все. Надежда на счастье забрезжила перед красавицей...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136606-3

© Беверли Д., 1994
© Издательство АСТ, 1994

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джо Беверли

Счастье под запретом

Jo Beverley
FORBIDDEN MAGIC

© Jo Beverly, 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

В продуваемой неряшливой столовой Гроув-Хаус в Сассексе завтракали трое. Дородные братья Олбрайт шумно поглощали редкое на их столе мясо, запивая его портером. Их сестра, Серена Ривертон, закутавшись в огромную шаль, отщипывала хлеб маленькими кусочками и запивала чаем, уткнувшись в книгу стихов.

Вилл Олбрайт невидящим взглядом уставился в пространство, машинально жуя и глотая пищу, а Том что-то бормотал себе под нос, просматривая почту.

– Кредиторы, кредиторы, кредиторы...

– А-а, вот это уже лучше!

Он вскрыл конверт и начал жадно читать.

– Наконец-то! Эй, Серри, Самуэль Сил хочет жениться на тебе!

Сестра подняла голову, и на ее прекрасном лице отразилось недоумение.

– Что-о-о?

Побледнев, она встала, резко отодвинув стул.

– Ну уж нет, Том! Никогда! Я ни за что не выйду снова замуж.

– Да ну? – удивился брат, набивая рот. – И что же ты собираешься делать, а, сестренка? Торговать собой на улице?

Серена Ривертон отчаянно замотала головой, не на шутку испуганная таким поворотом событий.

– Я смогу жить на деньги, которые мне оставил Мэтью.

Ее младший брат Вилл, довольно простоватый малый, повернулся и уставился на нее:

– Но их уже нет, Серри.

Он, казалось, немало удивился, что она этого не знает. И даже почти сочувствовал ей. Но Серена уже не обманывалась – она достаточно хорошо знала братьев, чтобы понять, что сочувствием здесь и не пахнет. За всю свою эгоистичную жизнь они никогда не жалели о совершенной подлости, если только она не создавала проблем для них лично.

Оба выглядели как типичные англичане, этакие Джоны Були – большие, крепко сбитые, краснолицые мужчины в затрапезной деревенской одежде. Правда, у них не было солидного состояния, как положено настоящему Джону Булю.

Взглянув на онемевшую от ужаса сестру, Вилл сунул в рот последний кусок хлеба и прошел к камину. Заслонив собой исходящий от камина слабенький поток тепла, он вытащил гиней и начал подбрасывать ее.

Серена как замороженная смотрела на поблескивавшую в воздухе монету и пыталась осмыслить услышанное.

– Денег уже нет? – потрясенно повторила она. – Но как это могло случиться? Мой муж умер всего три месяца назад. Куда они подевались?

К чему задавать вопросы, на которые сама знаешь ответ. Куда подевались? Да туда же, куда уходили все деньги из этого проклятого разрушающегося дома: на игру в карты, в кости и на бега, и не только лошадиные, но – Господи, помоги! – даже на тараканьи! Все, на что можно было заключать пари и делать ставки, влекло братьев, словно пчел на мед.

Серена отвела глаза от монеты Вилла и гневно посмотрела на Тома.

– Вы попросту обворовали меня!

Он подцепил вилкой очередной кусок мяса.

– Никак, ты собираешься напустить на меня сыщиков? Да, Серри? Ну и чего ты этим добьешься? Разве из камня выжмешь кровь?

«Камни, – загнанно подумала Серена. – Вы и есть камни. Бездушные, бессердечные и такие же тупые».

– Ты бы все равно на них не прожила, – миролюбиво заметил Вилл.

Бросок, поворот монеты в воздухе, поймана. Бросок, поворот, поймана...

– Что такое три тысячи? Так, пустяк, сушная мелочь.

Том что-то пробурчал в поддержку младшего брата.

– Кто же мог подумать, что Ривертон так быстро промотает все свое состояние? Мы-то полагали, что ты осталась богатой вдовушкой, Серри, иначе мы бы так не настаивали на твоём возвращении домой. А три тысячи тебе даже на платье не хватило бы.

Сощурившись, он смерил взглядом её весьма дорогое платье из красно-коричневого сукна.

Оно было скроено очень хитроумно, по специальному заказу, так, чтобы выставить все достоинства фигуры напоказ. Серена прекрасно знала об этом, но совершенно не ожидала, что так нагло и оценивающе её будет рассматривать родной брат.

Женщина лишь ещё плотнее закуталась в шаль, защищаясь от этого взгляда.

– Мне бы этого очень даже хватило, – с горечью проговорила она сквозь зубы. – Вам никогда не понять, дорогие братья, что можно вполне прилично жить даже на проценты от трёх тысяч фунтов.

– Какая тоска, – миролюбиво сказал Вилл, не замечая её едкого тона. – Тебе бы это вряд ли понравилось, Серри.

Серена шагнула вперед и перехватила вращавшуюся в воздухе монету.

– Ошибаешься, Вилл.

Она повернулась ко второму брату.

– Верни мне мои деньги, Том. В противном случае я подам на тебя в суд.

Том Олбрайт громко расхохотался, брызгая слюной.

– Чтобы обратиться в суд, нужны деньги, Серри, и даже если ты выиграешь дело, пройдут годы, пока все будет улажено и подписано. Вряд ли тебе удастся прожить все это время на гиней Вилла.

– Эта монета только начало.

Серена крепко зажала монетку в кулаке, но Вилл схватил её за руку и больно сжал.

– Это мой талисман, сестренка, моя монета на счастье! – Серена сопротивлялась, но брат грубо выкрутил ей руку. Она вскрикнула и разжала кулак.

Со слезами на глазах женщина отпрянула назад, потирая ноющее от боли запястье. Братья в очередной раз напомнили о своей жестокости. Серене было всего пятнадцать, когда пришлось покинуть родительский дом; она уже успела забыть все их пакостные выходки, но сейчас все вспомнила. С чего это ей пришло в голову, что теперь, когда она стала взрослой женщиной, они изменятся? Горбатого только могила исправит.

Том заметил её страх, и в его взгляде блеснуло удовлетворение.

– Может быть, Сил защитит твои права, Серри.

Она в упор посмотрела на него.

– Вам не удастся навязать мне ещё одно замужество, тем более с этим ничтожеством Самуэлем Силом.

– Он тебе не нравится? – Том был искренне удивлен. – Совсем не дурно выглядит для своего возраста. И богат как Крез. У него же столько рудников! А я-то думал, что ты предпочитаешь мужчин постарше, как твой первый муж. Ты всегда казалась довольной своим браком.

– Довольной? – тихо повторила Серена, поражаясь степени непонимания между родными людьми.

– Ну и ладненько, – сказал Том. – Подождём других предложений.

– Подождешь?

Серена даже изумилась, что выиграла словесную схватку, но опомнилась и тут же постаралась уточнить услышанное:

– Предложений? Каких еще предложений?

Том ткнул пальцем в раскрытое письмо на столе перед его тарелкой.

– Сил предлагает десять тысяч. Довольно милая сумма, не так ли? Отец выторговал тридцать за первый брак, но нам такое не провернуть, ведь ты уже не девственница.

– Тридцать тысяч фунтов?! – Серена была близка к истерике. – Отец продал меня Мэтью Ривертону за тридцать тысяч фунтов?

– Гиней, – уточнил Вилл, и в воздухе снова замелькала его монетка.

– Как раз вовремя, чтобы вытащить нас из долговой тюрьмы. А ты не знала? Конечно, тебе ведь было всего пятнадцать. Глупая дрожащая малышка.

Серена прикрыла глаза рукой и подавила рвущийся из груди крик. Глупая дрожащая малышка. Что ж, она давным-давно поняла, какую глупость сделала, будучи наивной пятнадцатилетней девчушкой. Тогда она беспечно согласилась на замужество, думая лишь о новых нарядах и возбуждаясь при мысли о перьях на шляпке и о том, что первой из школьных подруг выходила замуж.

Но быть проданной...

За тридцать тысяч фунтов. Ах нет, гиней. Неудивительно, что Мэтью приходил в ярость, когда она поначалу отказывалась потакать его прихотям...

– Давай смотреть правде в глаза, – произнес Том. – Хватай Сила, пока он еще предлагает себя. Мы снова по уши в долгах, а ты вовсе не такой уж ценный приз, если подумать трезво. Правда, внешность у тебя все еще что надо, но ты ведь уже не девица, так что не до капризов. Большинству мужчин нужны жены с приданым. И они должны уметь рожать детей. У тебя нет первого и никакой надежды на второе.

– У меня было три тысячи фунтов, – горько сказала женщина, но доконало ее замечание о детях.

Не способна к деторождению. Такая вот злая участь. Как если бы это было вчера, Серена припомнила доктора, вынесшего этот приговор, словно судья. И вспомнила, как бушевал Мэтью:

– Пустышка! Какая, к дьяволу, польза от жены, если она не способна родить наследника? Особенно если работа в постели не доставляет ей удовольствия!

Отношение мужа к Серене изменилось именно с этой минуты. В первые годы брака он был просто груб и плевать хотел на ее чувства. Но после вердикта доктора Мэтью стал требовать от нее таких утех, которые выходили далеко за рамки супружеского долга.

Если бы Серене дано было забеременеть и родить, то она могла бы снова выйти замуж: дети – такая радость! Но поскольку это ей не было суждено, нечего и думать о подобной узаконенной связи.

Но если нет ни пенни, то что остается?

Что же ей делать?

Перво-наперво следует немедленно покинуть комнату, чтобы не доставить братьям удовольствия увидеть ее слезы.

Серена повернулась к двери, проговорив:

– Мой ответ все равно будет «нет». Так что, Том, можешь приостановить свой аукцион по продаже рабыни.

Несмотря на крупное сложение и вес, Том был скор на ногу. Он вскочил и оказался у двери раньше Серены, успев захлопнуть мясистой рукой дверь прямо перед носом сестры.

– А тебя никто и не спрашивает, Серри. Тебя просто поставили в известность.

Его заплывшие жиром глаза злорадно вперились в сестру.

Серене захотелось ударить его, выцарапать его пороссячьи глазки, но она была маленькая и слабая, а ее братья – большие и жестокие.

– Не имеешь права! – Серена все же нашла в себе силы запротестовать. – Мне уже не пятнадцать лет, Том. Мне уже двадцать три, и я сама решу, как мне жить!

– Не болтай глупостей.

– Это ты несешь чепуху! Не те времена, чтобы доставлять невесту к алтарю связанной. А по доброй воле я за него не пойду.

– Не болтай глупостей, – спокойно повторил Том. – А если заупрямишься, то я без зазрения совести продам тебя в бордель. Получу хотя бы пятьсот фунтов, с паршивой овцы хоть шерсти клок!

Серена в ужасе отшатнулась, понимая, что он не шутит, а говорит чистую правду.

С издевкой, пародируя галантные манеры, он открыл ей дверь.

– Я сообщу тебе, как только появится новое предложение.

Серена молча прошла мимо брата, и массивная дубовая дверь тяжело захлопнулась за ней. Она услышала, как братья довольно захохотали.

Женщина бегом поднялась в свою комнату. Дрожащая, вечно дрожащая от страха. Слова звенели и отдавались эхом у нее в голове. Серена вспомнила о восьми годах замужества – годах рабства и ужаса, унижения и безнадежности. Она-то думала, что чему-то научилась, стала мудрее. А на самом деле? Снова дрожит от страха.

Как же Серена была преступно счастлива, у нее просто камень с души свалился, когда Том прибыл с вестью о смерти мужа. И она даже не удосужилась выкроить минутку и хорошенько подумать. Серена просто собрала свои пожитки и немедленно возвратилась с Томом в родительское гнездо. И ни на миг не задумалась о последствиях. Ее даже не тронуло, что Мэтью прокутил почти все состояние.

Какое ей было дело до денег?

Она ведь стала свободной!!!

Мэтью никогда больше не войдет в Стоукли-Мэнор, их общий дом, и не потребует от нее, чтобы она играла перед ним роль проститутки. Он никогда больше не избьет ее кнутом за отказ выполнять непристойные просьбы и прихоти.

Серена была свободна.

А теперь она мерит шагами холодную комнату и в отчаянии заламывает руки, пытаясь решить, что же делать. Она не позволит покуситься на свою выстраданную долгожданную свободу.

Самуэль Сил. Серена в ужасе закрыла глаза. Еще один негодяй, копия ее умершего мужа. Огромный, грубый мужлан, лет за пятьдесят, погрязший в распутстве. К тому же болен, кажется, сифилисом. По крайней мере у Мэтью не было хотя бы этой мерзости.

Серена прекратила бессмысленное нервное хождение и схватилась за спинку кровати, взывая к своему здравому смыслу. Необходимо срочно что-то предпринять.

Что?

Бежать.

Да-да, конечно, надо скорее бежать отсюда. Куда глаза глядят.

Но все же куда?

Голова у Серены раскалывалась от напряженных поисков кого-то, кто мог бы приютить ее хотя бы на время. Но все было бесполезно.

Оставшиеся родственники не смогут защитить Серену от братьев. Все годы брака муж держал ее фактически пленницей в Стоукли-Мэнор в Линкольншире. Он запрещал ей малейшие попытки общения с друзьями или местной знатью. Правда, следует признать, что ни один из этих благородных людей и не принял бы никого из их дома. Нет, помощи ждать неоткуда.

Серена задумалась о школьных годах, перебирая бывших подруг, вдруг кто-то захочет ей помочь. Безуспешно. Ну, хотя бы мысленно она вернулась во времена невинности и беспечности – прекрасные школьные годы.

Мисс Мэллори.

Серена обучалась в школе мисс Мэллори в Чел-тенхеме. И прямо оттуда ее увезли на свадьбу. Маленькая школа оказалась последним прибежищем, где Серена была в безопасности и пережила столько безобидных радостей.

Она припомнила мисс Эмму Мэллори, чопорную, но добросердечную аристократку, рьяную защитницу женских прав. Наверняка мисс Мэллори не откажется помочь Серене, если только ей удастся добраться до нее.

А от Сассекса до Глосестершира путь не близкий.

Деньги. Ей понадобятся деньги.

Поиски в комнате позволили обнаружить два фунта, одну гинею и несколько мелких монет. Этого не хватит. Где же еще поискать?

Даже будучи по уши в долгах, братья бросали монеты где попало. Надо найти их.

Так, теперь платья.

Серена начала было собирать ридикюль, но вскоре сообразила, что ей просто не позволят выйти из дома с чем-либо внушительным. Это мгновенно вызовет подозрения. Женщина снова распаковала вещи и развесила их в шкафу. Наверно, ужасно бежать лишь в том, что на тебе надето, но, по правде говоря, она будет только рада избавиться от своего гардероба.

Каждый шов, каждый стежок, каждое платье было выбрано собственноручно Мэтью в Лондоне и прислано в Стоукли-Мэнор, когда на него находила такая блажь. Все платья были высшего качества, но скроены так, чтобы не скрыть как можно больше, а выставить на всеобщее обозрение.

Серена посмотрела в зеркало и приспустила шаль. Почему обычное красно-коричневое суконное платье выглядело столь... сексуально? Но все обстояло именно так. Корсаж скроен и сшит так, что подчеркивал ее пышную грудь. А мягкий материал полуоблегающей юбки четко обрисовывал ее бедра. Но хуже всего были духи.

Все платья оказались пропитаны ими до того, как Серена их получила, а ее служанка-тюремщица продолжала поддерживать этот отвратительный запах. Серена не знала, из каких компонентов состояли эти духи, но ничего общего с цветами они не имели. Это был аромат проституток. Серена знала это наверняка, потому что Мэтью доставляло злорадное удовольствие видеть, как этот запах доводит его нежную жену до неистовства.

После смерти Мэтью Серене удалось выстирать кое-что и почти избавиться от назойливого запаха у простых льняных и муслиновых платьев. Но из более плотных материалов запах не выветривался, а постирать их – означало окончательно испортить. А ведь пока братья не получили на руки ее наследство, купить новые платья было не на что.

«Какое наследство?» – тотчас спохватилась женщина.

С болью она вспомнила, что наследства уже и в помине нет.

Серена всерьез подумывала бежать из этого дома в одном из муслиновых платьев. Но поздней осенью это будет равносильно самоубийству. Она решительно скатала в тонкую трубочку немного нижнего белья и сунула в ридикюль. Наверняка ридикюль ни у кого не вызовет подозрений и не бросится в глаза.

Драгоценности! Мэтью подарил ей много разных украшений, хотя и они стали жертвой его испорченного и извращенного вкуса. Серену передернуло при воспоминании об их форме, о грубых орнаментах. Все равно украшения можно будет продать. И потом они были ее собственностью!

Женщина в панике стиснула ла руки, вспомнив, что не знает, где украшения находятся. Просто до сих пор ей и думать о них не хотелось, но теперь они могли означать ее выживание.

Может быть, в комнате Тома?

Серена внезапно заспешила в страхе, что братья могут ведь и возвратиться, чтобы насильно поволочь ее на нежеланную свадьбу. Или могут сообразить, что она попытается

бежать. Серена схватила свою драгоценную накидку из камлота, отороченную соболем, благодарная хотя бы за то, что она была теплой.

И снова услужливая память оживила перед ее мысленным взором картину. Мэтью страшно забавляло выходить с ней в сад на прогулку, не разрешая ничего надевать под накидку. Шелковый мех щекотал голую кожу, лицо ее обычно пылало от стыда, а он в это время давал указания невозмутимому и молчаливому слуге.

Впрочем, это одно из самых невинных издевательств.

Женщина с трудом прогнала от себя мрачные воспоминания.

Так, теперь ее самые толстые перчатки. Затем самые прочные полусапожки. Несколько монет в кармане. У нее была лишь одна шляпка, потому что Мэтью не видел никакого смысла или повода для издевки в шляпках. Так что ее шляпа была большая и с высокими полями. Придется набросить на нее капюшон, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Нет, капюшон не налезает. Тогда вообще без шляпы.

Она взглянула на левую руку, на которой красовалась пара колец. Серена мрачно усмехнулась. Перстень с большим изумрудом и золотое обручальное кольцо. Она так привыкла к ним, что совсем не замечала.

Когда Серена возвратилась сюда с Томом, то смотрела на эту жалкую комнатку – свою девическую – как на райское место, место, где ее ждала свобода. Ей казалось, что вернулись дни невинности и слишком короткой юности. Вольно же ей было дурачить саму себя. Пора прекращать это.

Сердце тревожно забилося, когда она выглянула в холодный полутемный коридор. Пусто. Женщина подошла к комнате Тома, скользнула в дверь, оставив ее приоткрытой. В случае чего она мгновенно услышит тяжелые шаги своего грузного брата.

Серена без сожалений обыскала все, обнаружив еще несколько гиней, решительно сунула в карман и золотую подделку, найденную в пыли за его тазом для умывания. Ни следа ее драгоценностей. Господи, где же они? Она в отчаянии еще раз прошлась по комнате, но не заметила никаких потайных местечек, а задерживаться дольше не посмела.

Таким же образом женщина навестила и комнату Вилла, где присвоила еще несколько монет. Теперь у нее было около десяти гиней.

Она судорожно всхлипнула. Десять гиней, конечно, значительная сумма, но недостаточная, чтобы спасти ее от голодной смерти.

Но лучше смерть, чем такая жизнь. Неужели замужество намного хуже, чем смерть, засомневалась вдруг Серена. Похоже, она обрекает себя именно на смерть, совершая этот сумасшедший побег.

Серена поняла, что замешкалась в комнате, рискуя столкнуться с неприятностями. А всему виной были ее попытки разобраться в себе и найти хоть какой-то иной выход. Но его не было. Она заставила себя спуститься по лестнице, чтобы навсегда покинуть этот проклятый дом.

На полпути к черному входу Серена свернула в библиотеку. Братья имели обыкновение коротать здесь вечера, когда не играли на бегах. О, конечно, они и не помышляли брать в руки книги, боже упаси, они просто резались здесь в карты. Она мрачно усмехнулась, найдя еще одну гиней и еще одну крону на полу.

Это сокровище ясно говорило, что слуги здесь сегодня еще не убирали, но ей уже не было дела до разлившихся слуг и прочих забот этого дома. Пора идти. Серена повернулась к двери и тут услышала тяжелые шаги.

Паника мгновенно охватила ее. Она подбежала к полкам и схватила первую попавшуюся книгу.

В библиотеку вошел Том.

– Опять с книжкой? – фыркнул он. – Не понимаю, как это Мэтью терпел такие глупости. Твоя красота просто поблекнет, сестричка, если ты будешь проводить весь день за книгами.

Серена захлопнула книжку, заложив пальцем какую-то страницу. Сердце бешено колотилось в груди. Он догадается. Он сразу поймет, что она задумала.

– Мэтью было абсолютно все равно, чем я занимаюсь в его отсутствие. А что касается моей красоты, то я буду лишь рада, когда она завянет.

– Ты бы лучше помолчала, Серри. Если бы ты не была красоткой, сводящей мужиков с ума, то и минуты не осталась бы в этом доме: я или вышвырнул бы тебя сразу, или пристроил в поломойки. Ты скоро и сама поймешь, что замужество гораздо лучшая участь. Кажется, старина Ривертон просто избаловал тебя.

Том подошел к ней и вырвал книжку.

– Что тут у тебя? Байрон? Китс?

Открыв книжку, он вдруг весело рассмеялся.

– Ох, Серри! Ну ты и штучка! Вошла во вкус, да? Отчего же тогда ты так упрямишься выйти замуж?

Серена со стыдом поняла, что схваченная ею книжонка была одной из порнографических пакостей, которыми так увлекались братья. А тут еще Том помахал перед ней иллюстрацией.

– Нравится, да? – спросил он, рассматривая скабрзную картинку.

Серена не могла сказать «нет», не вызвав подозрений, поэтому просто промолчала. Брат взглянул на ее покрасневшее от стыда лицо и покачал головой.

– Ты до сих пор краснеешь, надо же! Странная ты какая-то, Серри. Никак тебя не понять. Зато ясно, почему мужики так сходят по тебе с ума. Такая чопорная мисс, а тело и глаза проститутки. И как я теперь вижу, мысли и мозги тоже, как у настоящей шлюхи. Что ж, это и будет твоим призванием, девочка. Проститутка! С твоей фигурой и походкой... Н-да! Да и выглядишь ты так, словно только что задала кому-то жару в постели.

Том снова оценивающе оглядел ее с ног до головы.

– Похоже, нам стоит расширить круг претендентов. Не очень многие захотят тебя в жены, но в любовницы... это совсем другое дело.

Брат ненадолго задумался.

– В качестве любовницы ты сможешь достичь самых невероятных высот в этой стране, подцепив графа, а может, даже герцога. А то, что ты не можешь родить, для проститутки воистину благословение Божие.

Серена по-прежнему стояла и молчала, а его слова просто отскакивали от ее сознания. Она ведь сбежит. Ничего этого с ней уже не случится.

Том сунул книжку ей в руки и погладил ее, изображая братскую нежность.

– За дело, сестренка! Изучай и дальше тонкости своего ремесла.

Захлопнув книжку, женщина заторопилась из библиотеки, сопровождаемая довольным хохотом брата. Выйдя во двор, она заставила себя идти спокойным, размеренным шагом, как бы прогуливаясь по ноябрьскому саду.

Но разум никак не мог успокоиться. С предельной ясностью, как никогда раньше, Серена осознала необходимость побега. И обдумывала шансы, а также как их улучшить.

Времени у нее хватало. Ни один из братьев не обедает ровно в полдень, а слуги не станут искать себе лишней работы. Так что существует вероятность, что ее не хватятся до самого вечера. А она за это время постарается унести ноги как можно дальше отсюда.

Однако Серена несколько не сомневалась, что братья кинутся разыскивать ее. Она в конце концов стояла по их меркам хотя бы пятьсот фунтов. А то и все десять тысяч, если им удастся выдать ее замуж за Сила. Ведь в отчаянии и не на то решишься. Чтобы избежать ужасов борделя, она может и согласиться на этот жуткий брак.

Тридцать тысяч... Ее отец продал ее за такую сумму.

Мысль об этом давнишнем предательстве чуть не свела ее с ума. Она приводила в ярость и лишала здравого смысла. С трудом ей удалось сосредоточиться на предстоящем побеге.

Побег.

Серена прошла через огород, затем прибавила шагу. Поняв, что все еще судорожно сжимает похабную книжонку в руке, женщина швырнула ее в засохшие заросли крапивы и перелезла через забор. Перед ней раскинулось поле. До ближайшей почтовой станции целых три мили. И сердце греет лишь слабая надежда, что, когда она доберется туда, проезжающая мимо почтовая карета подберет ее. Кажется, почтовые ходят несколько раз в сутки, но ведь понадобится билет? Впрочем, она в этом не уверена.

С сожалением Серена отметила, что совершенно не ориентируется в окружающем ее мире, не имеет представления об уйме повседневных мелочей, известных всем и каждому. Ее же взяли прямо из школы пятнадцатилетней девушкой и сделали пленницей Стоукли-Мэнор. С того самого дня ей ничего не позволяли делать для себя. И лишь в последние три месяца женщина чему-то научилась, пытаясь навести порядок в доме братьев.

Серена снова засомневалась, хватит ли у нее сообразительности, чтобы выжить в одиночку.

Но выбора-то не было.

Еще один забор – и вот она уже на проселочной дороге. Серена поглубже натянула капюшон. Вдруг проедет кто-нибудь и узнает ее? И решительно зашагала вперед.

Глава 2

– Не хотите ли проехаться верхом в Кэнхольм, Мидлторп?

Френсис, лорд Мидлторп, оторвался от жаркого и ответил сыну хозяина, лорду Уфхему:

– Почему бы и нет? Кажется, день ожидается чудесный. – Он повернулся к юной леди, сидевшей за столом рядом с ним:

– Не составите ли нам компанию, леди Анна?

Светловолосая и худенькая леди Анна была не робкого десятка, она нежно улыбнулась Френсису:

– С удовольствием, милорд.

Френсис собирался жениться на ней.

Сие намерение пока не было скреплено официальной помолвкой. Френсис еще не обращался к отцу девушки, герцогу Арранскому, с просьбой отдать Анну ему в жены. Но все знали, что он со дня на день сделает предложение. Прежде чем покинуть поместье герцога, Френсис намеревался обязательно переговорить с ним: он был уверен в благосклонном отношении герцога, сидевшего в столовой за чтением «Мансли мэгэзин».

Все считали, что они будут прекрасной парой и чудесно подходят друг другу. Анна происходила из родовитой семьи, так что и приданое будет соответственным. Их семьи давно знакомы, поддерживают хорошие отношения на протяжении многих лет и одобряют их союз. Все складывалось как нельзя лучше. Леди Анна отличалась прекрасными манерами и добротой, приятной наружностью и живым умом, хотя и не тратила все свое время на книги. Красота ее была не броской, а скорее нежной и бледноватой, но Френсису это нравилось, и он ничего не имел против того, что она прихрамывала.

Лишь одно приводило Френсиса в замешательство: то, что он так рассудочно и расчетливо подходил к одному из самых значительных событий в жизни любого мужчины. Но он всегда одергивал себя. Неужели из-за того, что все его друзья переживали бурные страсти, ввязывались во всяческие приключения из-за будущих жен, он обязан повторять их путь?

Френсис получил титул и все поместья отца во владение, когда ему исполнилось всего двенадцать лет. С тех самых пор он стал единственной опорой матери и трем сестрам. Справедливости ради следует отметить, что мать умело и властно распорядилась его жизнью и поместьями, пока он был ребенком, да и по сей день прекрасно справляется с их семейным имением Торп-Прайори, так странно называемым из-за бывшего когда-то на этом месте монастыря. Но уже давно благосостояние матери полностью зависело от сына. Его сестры, слава богу, давно и удачно вышли замуж и таким образом благополучно перешли под крыло своих мужей.

Френсис сызмальства усвоил, что обязан следить за своим здоровьем, по-хозяйски мудро распорядиться имением и финансами, чтобы приумножить богатство рода. Его долгом был и удачный выбор невесты, чтобы после свадьбы обзавестись наследником. Лорд Мидлторп и так уже слишком затянул с женитьбой, а это было чревато многими последствиями. Если он умрет, не оставив наследника, имение и титул перейдут к дальнему родственнику с огромным семейством. И тогда его мать потеряет все права на дом, который выстроила вместе с отцом и обихаживала как могла.

Но как же, наверное, было бы приятно, подумалось ему, пережить одно-два неожиданных романтических приключения или страсть, так, просто для разнообразия. Его друг Николас Делани объездил весь мир и побывал в опаснейших переделках, дважды угрожавших его жизни, пока не осел окончательно и не обзавелся семьей...

Тут Френсис понял, что к нему обращаются, и с улыбкой повернулся к леди Анне.

– Вы не будете возражать, милорд, если мы сделаем небольшой крюк? Я обещала книги для школьной библиотеки в Кингсли и хотела бы сама завезти их.

– Конечно, конечно. Я вовсе не против. Что-нибудь поучительное или Библии? Она не отреагировала на его поддразнивания и ответила совершенно серьезно:

– О, у них вполне достаточно своих Библий и подобной литературы. Иначе им нельзя. Но я привезу стихи для самых маленьких и забавные рифмы, а также несколько книг по географии. Это все из нашей домашней библиотеки. Похоже, нам это еще не скоро понадобится, поскольку Уфхем решительно отказывается исполнять свой долг.

– Анна, как у тебя только язык повернулся упрекнуть меня? Мне же еще нет двадцати пяти! Дай же парню перебеситься, прежде чем его свяжут по рукам и ногам на всю жизнь!

Все рассмеялись, но Френсис отметил про себя, что ему тоже недавно исполнилось двадцать пять, однако никто, кажется, не считает, что ему рановато обзаводиться семьей...

– Женидьба – это вовсе не цепи, – попеняла брату леди Анна, озорно покосившись на Френсиса.

Счастливчик Уфхем! И будущее его тоже предопределено: женидьба и титул герцога, но по крайней мере ему можно не торопиться. У него два здоровенных, полных сил младших брата, так что он вправе без угрызений совести оттягивать неизбежное на неопределенный срок.

Молчаливые слуги внесли свежий кофе и убрали грязные тарелки и остывшие блюда. Семейство же засиделось за столом, обсуждая планы на день.

Секретарь герцога тихо вошел с почтой для хозяина и остальных членов семьи. Френсис несказанно удивился, когда и ему вручили персональное послание, потому что, уезжая из дома, дал матери разрешение управлять всеми делами поместья без исключения и вскрывать его личную корреспонденцию.

Но письмо оказалось не от матери, а послано именно сюда на его имя. Френсис почувствовал легкое беспокойство и без промедления взломал сургучную печать. Развернув лист бумаги, он в полном замешательстве прочел:

«Милорд,

я подозреваю, что Вам так ничего и не сообщили, а обман еще никому не приносит пользы. Так что ради всеобщего блага я прошу Вас спросить обо мне Вашу мать. А если она не ответит Вам, то это сделаю я. Я пробуду еще неделю в «Короне и якоре» в Веймуте.

Чарлз Фернклиф».

Френсис пораженно пробормотал:

– Что за дьявольщина? – И тут же извинился.

– Плохие новости, милорд? – поинтересовалась леди Анна.

– Пока не знаю.

Не мог же Френсис обсуждать с семьей герцога это странное послание. Нужно немедленно показать письмо матери и выяснить, что это за таинственный Чарлз Фернклиф.

– Я должен безотлагательно уехать в Прайори, чтобы заняться неотложным семейным делом. Если вы сможете простить такого беспардонного гостя, герцог, то я постараюсь вернуться сегодня вечером.

– Конечно, – доброжелательно кивнул герцог. – Не стоит беспокоиться по пустякам, мой мальчик. Нужды семьи всегда должны быть на первом месте. Надеюсь, ничего серьезного?

– Я тоже надеюсь, герцог, – ответил Френсис, поднимаясь из-за стола. Кто же, к дьяволу, этот Чарлз Фернклиф и какая связь между ним и его матерью?

Френсис велел приготовить свой экипаж и четверку лошадей и послал за своим плащом, перчатками и шляпой, но не взял ничего из багажа, намереваясь вернуться в самое ближайшее время. По молчаливому согласию родителей Анна проводила его до дверей.

– Мне искренне жаль, леди Анна. – Френсис уже приготовил для девушки вежливую ложь. – Кажется, маме не справиться с этим делом.

– Тогда это, наверно, необычайно сложное дело, – с улыбкой сказала Анна. – Насколько я знаю леди Мидлторп, она всегда на высоте.

– Верно, мама у меня умница.

Было просто чудесно, что Анна и его мать нравились друг другу, они даже имели много общего во вкусах. У обеих было врожденное чувство достоинства, прекрасные манеры, спокойное безупречное поведение, аккуратность. Обе никогда в жизни не совершили бы бестактности в глазах общества. Френсис подозревал, что как только Анна начнет хозяйничать в их доме, то еще посоперничает с леди Мидлторп в совершенстве.

Френсису страстно захотелось немедленно поговорить с Анной и тут же уладить вопрос с женьбой, но он тотчас же образумился. Никуда не годится делать предложение наспех, стоя в холле, на глазах у мажордома и двух слуг.

Ясно одно – настала пора действовать, нет смысла откладывать это в долгий ящик. Сегодня же вечером ему следует поговорить с герцогом. Как только он получит согласие отца Анны и уладит все финансовые формальности, они соединятся на всю жизнь. Френсис взял ее руку и нежно поцеловал.

– Я возвращусь, как только сумею. Вы же знаете.

Анна прекрасно поняла его и опустила голову. Нежный румянец залил щеки девушки. Тут послышался стук подков по каменной дорожке у крыльца. Френсису помогли надеть плащ, и он уехал.

Через два часа Френсис завидел огромные чугунные ворота своего имения, и грум позади него протрубил в горн. Сторож выбежал из домика, чтобы распахнуть ворота, а его семейство высыпало наружу, кланяясь милорду.

Френсис кратко поприветствовал их, махнув рукой, но не придержал лошадей, а даже, напротив, на полном ходу подкатил к крыльцу. Время, проведенное в дороге, лишь распалило его воображение. Происходило нечто странное.

Он остановил взмыленную четверку у дверей, бросил поводья груму, соскочил вниз и немедленно прошел в дом, швырнув тяжелый плащ, перчатки и шляпу в протянутые руки немедленно возникших слуг.

– Где моя мать?

– У себя в будуаре, милорд.

Леди Мидлторп, красивая женщина, наградившая сына темными волосами и хрупким сложением, совершенно не ожидала увидеть своего отпрыска и растерялась:

– Френсис! Что ты здесь делаешь, дорогой?

Френсиса поразила ее нервозность, поскольку обычно она прекрасно владела собой. Боже, она даже теребит бахрому шали! Мать ненавидела дурные привычки такого сорта и никогда себе ничего подобного не позволяла.

Он пересек комнату и подал ей письмо.

– Я получил это сегодня.

Леди Мидлторп взглянула и побелела. Она читала письмо невероятно долго, словно смысл слов не укладывался у нее в голове. Затем леди Мидлторп села на кушетку и улыбнулась сыну своей самой обворожительной улыбкой.

– Ты только что приехал? Наверно, ты умираешь от жажды. Послать за чаем?

Френсис не поверил своим ушам.

– Нет! И, ради бога, оставь эти светские штучки, мама! О чем это письмо?

– Не смей употреблять такой жаргон в моем присутствии, Френсис!

– Я сейчас перейду на просторечье, мама, если ты не объяснишь мне толком, что происходит!

У него не было привычки говорить с ней грубо или принуждать к чему-либо, так что Френсис ожидал упрека, и довольно едкого. Вместо этого мать лишь встревоженно взглянула на него и устала на огонь в камине. Пальцы опять затеребили бахрому.

– Не понимаю, почему ты в такой спешке уехал из Ли-парка. Это наверняка крайне удивило герцога.

– Мама, – спросил Френсис, чувствуя, что его терпению приходит конец, – кто такой Чарлз Фернклиф и о чем это письмо?

Она вздохнула.

– Он довольно молодой человек, работал учителем у сыновей Шипли.

Такое объяснение абсолютно ничего ему не давало.

– Но о чем это письмо? Что ты должна мне сообщить?

Френсис подумал, что мать так и не решится ответить, но тут она взглянула на него и сказала:

– Наверное, то, что он меня шантажирует.

– Шантажирует? Силы небесные! По какому поводу?

Леди Мидлторп покраснела и ответила:

– Он угрожает, что... расскажет о моем недостойном поведении.

– Каком? – Френсис подавил приступ смеха. – Ну так с кем же ты, к дьяволу, повела себя недостойно? Что он там говорит?

– Френсис! Как ты смеешь? К тому же, хотя ты и убежден в обратном, я в свои сорок семь еще не трясущаяся старуха.

Сын молча уставился на мать, понимая, что она все еще весьма привлекательная женщина. Леди Мидлторп была стройной и хрупкой, большие голубые глаза сияли, как в молодости, а волосы до сих пор не поседел.

– Ну вот еще, мама! Ты же знаешь, что я сам настаивал, чтобы ты подумала о новом браке. Но вряд ли тебя можно заподозрить в недостойном поведении.

– Благодарю, – холодно ответила она. – Что касается замужества, то я не хотела бы проявить такое неуважение к памяти твоего отца.

Френсис не верил, что его нежный и любящий отец захотел бы, чтобы его вдова в одиночестве влачила свои дни, но не стал обсуждать этот вопрос сейчас.

– Как пожелаешь, мама. Но этот учитель, похоже, сошел с ума. Как ты думаешь, почему он настаивает на таком идиотизме?

Леди Мидлторп пожала плечами, но румянец по-прежнему играл на ее щеках.

– Должно быть, это потому, что я побеседовала о нем с Шипли. Хотя Чарлз Фернклиф очень умен, но все же весьма суматошный, взбалмошный какой-то. К тому же мне показалось, что он поощряет мальчиков в их шалостях. Я и подумала, на пользу ли детям такое влияние, и посоветовала Шипли отказаться от его услуг. Мое вмешательство привело к тому, что они решили не оставлять его учителем малышей, когда Грешем уедет в школу.

Так Френсис и думал. Типичный образец маминого поведения. Его мать вмешивалась во все, считая, что лучше знает, как надо устраивать дела. Кажется, бедняга учитель выглядит вполне симпатичным малым, не то что скучнейший и преисполненный достоинства мистер Морсток, который готовил его к поступлению в Хэрроу.

Тут Френсис вынужден был напомнить себе, что Чарлз Фернклиф не может быть хорошим учителем, и мать, очевидно, была права. Он явно был шантажистом и, вполне вероятно, сумасшедшим.

– Значит, Фернклиф начал докучать тебе. Жаль, что ты не сказала мне об этом сразу же. Но теперь я позабочусь об этом. Чего же требует этот молодчик?

Она нервно хихикнула.

– О, Френсис, это такая чушь. Я просто не могу поверить, что он это всерьез.

– Серьезно или нет, но я не потерплю такой наглости. Что ему надо?

Ее фальшивая улыбка угасла.

– Немедленно выброси все это из головы, Френсис.

– Прости, мама, но это невозможно. Так какую он требует цену за то, что не будет распространять заведомую ложь?

Она сердито посмотрела на сына. Френсис тоже не мигая глядел на нее, всем своим видом показывая, что шантажисту не поздоровится.

Наконец мать отвела глаза в сторону.

– Десять тысяч фунтов, – прошептала она.

– Десять тысяч фунтов?! Да ему прямая дорога в сумасшедший дом!

– Ты же не станешь платить, правда? – обеспокоенно спросила леди Мидлторп.

– Не волнуйся, не стану. Мало того, что достать такую сумму наличными не так просто, к тому же я не собираюсь поддаваться на угрозы какого-то свихнувшегося шантажиста. Кроме того, все это – сплошная ложь. Кому это может повредить?

– Вот и оставь все, как есть. Забудь про него.

– Ну нет! Ему следует дать хороший урок, чтобы он не смел беспокоить тебя больше.

– Что ты собираешься сделать?

– Навещу его по оставленному адресу. Отправлюсь в Веймут, пора и этому учительишке кое-чему научиться.

Леди Мидлторп мгновенно вскочила на ноги.

– Нет, Френсис! Я запрещаю тебе это!

Френсис подумал, что мать от волнения сама повредила умом.

– Уверю тебя, мама, это самый лучший способ пресечь безобразие. Можешь больше не тревожиться из-за этого наглеца.

Мать вцепилась в его рукав.

– Но тебя могут ранить, дорогой!

Френсис ошарашенно взглянул на нее.

– Учитель?

– Он... он очень хорошо физически развит. И выше тебя. Атлетически сложен. Строгого письма будет вполне достаточно, чтобы образумить его. И намного безопаснее.

Френсис ощутил знакомое раздражение. Он рос худым, чувствительным мальчиком, и мать привыкла опекать его. Френсис, правда, думал, что она оставит эти замашки, когда он вырастет. Бред какой-то. Да, Френсис все еще довольно худощавый, к тому же правильные черты лица и темные глаза придавали ему этакую поэтическую внешность, дьявол ее побери, но он давно привык стоять за себя и других, и довольно успешно.

Френсис погладил мать по руке.

– Его рост не имеет никакого значения. Да я и не собираюсь опускаться до кулачного боя, если Фернклиф только не настоит на этом, но предупреждение он получит от меня лично.

– О боже!

Она выпустила его рукав и нервно заходила по комнате, заламывая руки, как будто ожидала его неминуемой смерти.

– Мама, – твердо приказал Френсис, – прекрати изводить себя таким образом. Кроме того, ты подогреваешь мои инстинкты. У меня просто руки чешутся избить этого Фернклифа до полусмерти за то, что он довел тебя до такого состояния. Но я положу этому конец.

Она вдруг резко повернулась к нему, словно ее осенило.

– А как же леди Анна?

– А что с ней?

– Она же обидится, что ты вдруг пренебрег ею ради каких-то непонятных дел. Ты должен немедленно возвратиться в Ли-парк.

Френсис посмотрел на нее с искренним сочувствием. До чего только не додумается мать, лишь бы спасти его от неведомой опасности.

– Глупости, мама. Анна никуда не денется. А это дело не терпит отлагательств. Я немедленно отправляюсь в Веймут. Клянусь, этот Фернклиф больше никогда не побеспокоит тебя.

Френсис быстро поцеловал мать в щеку и вышел, прежде чем она успела запротестовать и придумать новые причины, чтобы удержать его.

Когда сын ушел, леди Мидлторп нервно заметалась по комнате. Господи, святые небеса, что же ей делать? Почему ей не пришло в голову, что Чарлз отыщет Френсиса и напишет ему письмо? Чарлз отнюдь не глупый человек.

Но если Чарлз и Френсис встретятся, случится непоправимое.

Она открыла секретер и достала весточку, полученную только сегодня, последнюю из огромного количества писем от Чарлза.

«...Я расскажу обо всем твоему сыну и покажу ему все твои письма. Я убежден, что если он узнает, как мы любим друг друга, то не станет препятствовать нашему браку. Но мне бы все же хотелось, чтобы ты сама честно призналась ему во всем, любовь моя. Полагаю, что тебе тоже не в радость нынешнее положение дел.

Воспоминания о том единственном дне волшебного экстаза не покидают меня. Я словно в аду...»

А она? Она тоже переживала адские муки. Она мысленно возвращалась вновь и вновь к тем сумасшедшим счастливым часам, и в отличие от Чарлза Фернклифа еще и жила в этом доме постоянно, сидела на той самой кушетке, где они...

Боже, за что ты так наказываешь меня?

Женщина закрыла лицо руками, испытывая и вину, и... желание. Как она могла потерять голову? Как могла позабыть о своем положении и о памяти мужа, допустив, чтобы молодой и безденежный мужчина занимался с ней любовью в этом самом доме, который создан общими трудами?

И как она может так страстно желать, чтобы... это непременно... произошло снова?

Женщина была до такой степени переполнена чувством вины, совесть так измучила ее, что она подстроила, чтобы Чарлза рассчитал Шипли. Леди Мидлторп надеялась, что теперь-то он навсегда исчезнет из ее жизни.

Но... Чарлз по-прежнему любил ее.

Тогда она соврала ему, сказав, что Френсис будет возражать против их брака. Это, кстати, могло оказаться недалеким от истины. Леди Мидлторп понятия не имела, как Френсис отреагирует на предложение Чарлза.

Но Чарлза уже нельзя было остановить. Он не сомневался, что сумеет убедить Френсиса в разумности их союза. И это тоже могло оказаться правдой.

Сегодня же, запаниковав из-за неожиданного приезда сына, леди Мидлторп добавила еще одну ложь к своим предыдущим. Чарлз никогда не шантажировал ее, никогда не требовал денег. Единственное, на чем он всегда настаивал, это чтобы она была честной и с сыном, и сама с собой.

Но переломить себя оказалось не так-то просто. И вот теперь Френсис отправился на встречу с ее любовником. Наименьшим злом будет, если Чарлз расскажет Френсису правду об их отношениях. Тогда ее сын начнет презирать ее. А наибольшим злом может стать дуэль, и тогда один из самых дорогих ей людей может погибнуть.

Френсис не отличался ни грубостью, ни кровожадностью. Он рос достаточно чувствительным мальчиком и превратился в такого же мужчину. Но с тех пор как Френсис попал под

влияние Николаса Делани и его компании Шалопаев, леди Мидлторп уже не была столь уверена в своем сыне. Все эти обещания хорошенько проучить шантажиста жутко взвинтили леди Мидлторп.

Да бог с ними, с кулаками – это еще не так страшно, а вот мысль о пистолетах буквально парализовала ее. Мужчины вызывали друг друга к барьеру и по менее значительным поводам.

Леди Мидлторп рухнула в кресло, стоящее перед изысканным секретером Буля, и в панике написала две записки. И как только ее сын отбыл из дома со свежими лошадьми, два грума срочно помчались из Прайори с этими посланиями.

Одно было адресовано в «Красные дубы» в Девоне ближайшему другу Френсиса. Как бы Николай Делани ни раздражал ее, в любви все средства хороши, а Николай был именно тем человеком, кто сумеет предотвратить смертельный поединок между Чарлзом и Френсисом.

Другой грум отправился в «Корону и якорь» с запиской к мистеру Чарлзу Фернклифу. Будет лучше, если Чарлз исчезнет и фатальная встреча не состоится. Береженого, как говорится, Бог бережет.

О, пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы на этом ее отношения с Чарлзом и закончились. Но от этой мысли леди Мидлторп почему-то разрыдалась.

Глава 3

Вечером того же дня Серена и Френсис находились в одной и той же местности в Дорсете, хотя и не подозревали об этом.

Серена была близка к отчаянию.

Сначала беглянке везло. Женщине не пришлось ждать, пока ее подберет почтовая карета, потому что ее согласился подвезти торговец шерстью на своей бричке. Человек этот был нездешний, что женщина сочла добрым знаком. Можно было надеяться, что, после того как он высадит Серену возле «Собаки и скрипки» в Нэрбери, о нем никто никогда не услышит. Так что для братьев она словно растворится в воздухе.

Конечно, от Серены не укрылись красноречивые взгляды торговца и намеки на более близкое знакомство, но мужчина спокойно воспринял ее безучастное отношение к нему. И уехал.

Таверна «Собака и скрипка» служила одновременно и почтовой станцией. Здесь меняли лошадей и продавали билеты на проезжавшие через деревню рейсовые кареты, так что Серена без особого труда приобрела билет до Винчестера. Именно туда отправлялась самая ближайшая карета. К тому же в таком большом городе довольно легко затеряться.

Но трехчасовая поездка дала ей возможность хорошенько раскинуть мозгами и задуматься о совершенном побеге.

Она начала осознавать все безрассудство своего поступка, но никакого другого выхода из отчаянной ситуации пока не видела. Уж лучше гулять на свободе с пустым карманом, нежели быть проданной в бордель.

А Серена твердо уверовала, что ее старший брат Том именно так и поступит, причем без малейших угрызений совести. Он даже не знает, что это такое. Вилл мог бы запротестовать, но он слишком безвольный, чтобы противостоять Тому. Кроме того, надо смотреть правде в глаза – братьям от нее никакой пользы, а вот если продать за деньги...

Однако многочасовые размышления поколебали ее веру в мисс Мэллори. Серена помнила эту леди решительной и очень доброй, но ведь это было восемь лет назад. Она даже не знала, жив ли этот добрый ангел до сих пор. А если мисс Мэллори жива, то неизвестно, как она поступит, когда Серена Ривертон заявится к ней с просьбой приютить ее.

Что она может сделать? Чем помочь?

Предложит ей место учительницы?

Серена чуть не расхохоталась от этой мысли.

Хотя за время брака с Мэтью она и пристрастилась к чтению, потому что, хвала Спасителю, большей частью оставалась в деревне одна, но все же никак не походила на интеллектуальную даму, склонную к постоянному копанию в библиотеке. Да и выбор книг в Стоукли-Мэнор был крайне ограничен.

К тому же она была вдовой Мэтью Ривертон.

Сэр Мэтью Ривертон был богатым буржуа, которому присвоили титул баронета за исключительную щедрость по отношению к принцу-регенту. Дело в том, что он подарил принцу Джорджу несколько весьма дорогих, поистине замечательных произведений искусства, которые принц просто жаждал пополнить в свою коллекцию.

Но тем не менее титулом все и ограничилось. Мечты Мэтью о высшем свете не сбылись! Не помог и титул. Когда Мэтью напивался, то начинал жаловаться на злую судьбу и несправедливость: принц так и не ввел его в круг своих ближайших друзей, а жена не могла родить ему наследника.

Но и не имея доступа в Карлтон-Хаус, Мэтью Ривертон приобрел весьма дурную репутацию, вызывая пересуды своими экстравагантными и непристойными приемами. Серена без

труда могла представить себе реакцию родителей учениц мисс Мэллори, когда они узнают, что их детей обучает вдова Мэтью Ривертон.

Чему же она может обучать? Вот что им сразу же придет в голову.

И родители будут правы. В течение всего ее восьмилетнего замужества Серена никогда не располагала деньгами, так что она полный профан в том, как управлять домом или экономно вести хозяйство. У нее никогда не было особого интереса, да и таланта, к рукоделию, как, впрочем, и к музыке. Покинув школу в пятнадцать лет, Серена имела большие пробелы в образовании.

По-настоящему хорошую выучку она прошла только у Мэтью, а это не те навыки, которые считаются подходящими для приличных юных леди...

Тут Серена обратила внимание на какое-то странное трение о ее сапожок. Женщина взглянула вниз и увидела мужской башмак. А принадлежал он усатому капитану, сидевшему как раз напротив нее. Он улыбался и подмигивал.

Женщина поспешно отвернулась, краска мгновенно предательски залила щеки. Его башмак снова постучал по носку ее сапожка, затем скользнул к лодыжке.

Серена резко развернулась и гневно взглянула на нахала.

Тот удивленно поднял брови, разыгрывая полную невинность, убрал ногу, но распутное выражение – приглашение к флирту – так и осталось в его глазах. Серена поправила капюшон, полностью скрыв под ним лицо. Ох, как же она ненавидела свою внешность, постоянно привлекавшую подобных наглецов.

Серена поняла, что без покровительства какого-либо мужчины будет терпеть подобные домогательства всю свою жизнь или по крайней мере до тех пор, пока с возрастом эта дьявольская привлекательность не поблекнет. Женщина отчаялась найти какую-то достойную защиту.

Если она осмелится искать работу гувернантки или компаньонки без рекомендаций, все двери неминуемо захлопнутся перед ней из-за этой проклятой наружности.

Серена окинула взглядом унылый, серый пейзаж за окном и с тоской признала, что Том был прав.

Видимо, все, что ей остается, это ремесло проститутки. Как будто сам Господь задумал ее внешность только для этого, а покойный супруг вымуштровал именно с этой целью. Он называл это отвратительно – «постельная работа».

Серена бросила на капитана беглый взгляд. Тот тут же подмигнул ей с гнусной ухмылкой. Его сальные помыслы не оставляли никаких сомнений.

Да будь оно все проклято, с горечью подумала Серена. Уж если выбирать между замужеством и проституцией, то лучше она станет проституткой, но только не в борделе...

Она станет высокооплачиваемой кокоткой. Да-а, уж если ей суждено стать куртизанкой, то дьявольски дорогой, самой лучшей в Англии!

И снова ботинок потерялся о ее сапожок. Серена взглянула на капитана с такой яростью, что он отвел глаза и покраснел. Так тебе и надо, наглец! Такие, как Серена, тебе явно не по карману!

Она станет самой дорогой, черт бы вас побрал, шлюхой в Англии!

Если Сил предлагал за нее десять тысяч фунтов, то сколько же она может запросить сама? К тому же то, что Серена не может забеременеть, будет преимуществом, если она решится пойти в содержанки. Но как устраивают такие дела? Здесь решимость ненадолго покинула женщину, потому что она не имела ни малейшего представления, как ступить на путь греха. К счастью, Серена вспомнила про Гарриэт Вильсон.

Знаменитая куртизанка появилась как-то на одном из приемов, которые Мэтью устраивал в Стоукли-Мэнор во время охотничьего сезона. Приемы? А точнее, оргии. Серену передернуло от воспоминаний, но она с благодарностью вспомнила, как была добра к ней Гарриэт. Серене было тогда семнадцать, и она наотрез отказалась даже общаться с продажными женщинами.

А Гарриэт была доброй и милосердной.

Серена понимала, почему Гарриэт пожалела ее, семнадцатилетнюю девочку-жену, явно бывшую рабыней при пожилom супруге, заставлявшем ее непристойно вести себя с гостями. К счастью, Гарриэт пресекла все это.

Она даже снизошла до того, чтобы дать ей несколько житейских советов.

– Я бы его бросила на вашем месте, дорогая, – произнесла она однажды, застав Серену в одиночестве.

– Не могу. Он мой муж.

Гарриэт не стала ее разубеждать, а только сказала:

– Если вы когда-нибудь все же решитесь уйти от него, приходите ко мне, дорогая, я помогу вам. Я убеждена, что найду вам покровителя, который будет только счастлив разделаться с Ривертоном. У вас редкий дар, дорогая.

– Я ненавижу все это.

Гарриэт улыбнулась. Ее нельзя было назвать красавицей, однако в ней было нечто, притягивающее мужчин сильнее магнита.

– Дорогая, однажды вы поймете, какая сокрушительная сила заключена в этом. Это как взведенный курок, нацеленный в самое сердце мужчины. Только научитесь стрелять без промаха.

Значит, размышляла Серена, у меня есть оружие против мужчин... если только я сумею понять, как им пользоваться. Что ж, самое время научиться поражать цель, а Гарриэт будет прекрасным учителем. Как только приеду в Винчестер, сразу же куплю билет до Лондона. Однако когда она очутилась в городе знаменитых соборов, то расписание в заполненном суетой дворе почтовой станции недвусмысленно сказало, что сегодня дилижанс на Лондон уже отбыл. Серена с любопытством окинула взглядом толпу и поняла, что не сможет остаться в Винчестере. Здесь братьям проще простого найти ее. И лишь вопрос времени, когда они появятся.

Следовательно, придется подыскать городок поменьше. Женщина купила билет на ближайший дилижанс до Бейсингстоуна. Пока огромных, усталых лошадей выпрягали, пассажиры отправились перекусить, так что и она потратила несколько монет на пирог у лоточника. Серена все время внимательно оглядывала толпу, не появятся ли братья. Наступили сумерки, а значит, они уже разыскивают беглянку.

Кондуктор громким голосом начал созывать пассажиров на посадку, Серена смахнула крошки пирога с перчаток да так и замерла.

Вилл как раз въехал во двор, быстро обводя его глазами.

Она, согнувшись, спряталась за карету, сердце ее бешено забилося.

Кондуктор вновь позвал пассажиров на дилижанс до Бейсингстоуна. Сначала Серена хотела незаметно проскользнуть в карету и уехать, но не могла с уверенностью судить, заметил ли брат ее. Да и мужчина, продававший билеты, мог вспомнить ее по описанию – почему-то ее всегда запоминали – и сказать Виллу, куда она купила билет. Тогда пассажирский дилижанс превратится в движущуюся ловушку.

Женщина подавила громкое рыдание. Что же делать? И поймала себя на соблазне сдаться. Слишком уж все невыносимо. Ей не выдержать такого огромного напряжения.

Но она должна. Уж лучше действительно умереть, чем выйти замуж.

Главное – улизнуть сейчас от Вилла. Серена воспользовалась каретой как прикрытием, чтобы незамеченной выскользнуть со двора на улицу. Взглянув назад, она увидела, что Вилл покупал горячий пирог у того же торговца, который чуть раньше продал пирог и ей. А вдруг Вилл спросит про нее? Но он выглядел таким беспечным, как будто его послали неизвестно зачем.

Слава богу, что здесь оказался ленивый и глупый Вилл, а не Том. Все же Бог дал ей еще одну попытку!

Серена решительной походкой зашагала по дороге из города, в любую минуту ожидая услышать звуки погони. Но никакого шума не было слышно, и женщина слегка расслабилась. Может быть, ей удастся добраться до следующей деревни.

Тут беглянку осенило, что она слишком заметна на широком почтовом тракте. Чего проще догнать ее, даже Вилл легко сумеет сделать это, устроив на нее охоту, как на обезумевшего зверя. Поэтому, дойдя до первой же проселочной дороги на Херсли, Серена свернула на нее, все время прибавляя шаг, пока в панике не побежала. Когда и эта дорога раздвоилась, женщина пошла направо.

Она уже так запыхалась, что замедлила шаги, пытаясь отдышаться.

Сумасшествие! Это просто дорога в никуда, и Серена сильно сомневалась, что оставшиеся у нее монеты позволят ей добраться до Лондона. Но позади, в Винчестере, ее поджидал Вилл, а она лучше умрет, чем снова попадет в руки братьев!

Еще раз от них ей не сбежать.

Женщина заставила себя продолжить путь. Где-нибудь впереди все равно есть какая-нибудь деревушка, а значит, можно будет как-то добраться до Лондона. Пусть на телеге, а если придется, то и пешком.

Чае спустя Серена устало брела, снова решая ту же самую задачу: действительно ли замужество – участь худшая, чем смерть? Потому что, судя по всему, она выбрала второе.

Медленная смерть от голода. Быстрая смерть от руки бандитов на дороге. Жуткая смерть из-за какого-нибудь насильника. Смерть от холода...

Наступила ночь, а с ней и ледяной холод. Наверное, где-то далеко и существовала деревня Херсли, но можно было умереть, так и не добредя до нее.

Серена всегда знала, что за ее экзотической внешностью прятался весьма практический ум. Именно он позволил ей выжить в браке, когда более чувствительная женщина непременно сломалась бы. Теперь же этот здраво рассуждающий разум подсказывал ей, что второе замужество, даже если будет похожим на первое, все же предпочтительнее, чем смерть от холода, и уж в любом случае лучше смерти от изнасилования.

Серена остановилась, обдумывая эту возможность, и тут же усилием воли заставила себя вновь зашагать по дороге. Стоит ей только сдать, как она наверняка замерзнет, а она пока еще не готова смириться со смертью от холода на обочине.

Женщина нащупала маленький кошелек в кармане. Осталось четыре гиней и несколько мелких монет. Хоть какая-то защита от этого подлого мира, но явно недостаточная, чтобы начать новую жизнь.

Серена проглотила навернувшиеся слезы и подавила панику. Все еще будет хорошо, все устроится, как только она доберется до Лондона.

Серена знала многих женщин, которые пришли бы в ужас, узнай они, что она собирается стать куртизанкой. Но для Серены это был как раз тот случай, когда из двух зол выбирают меньшее. Для нее стать высокооплачиваемой проституткой было гораздо предпочтительнее, нежели выйти еще раз замуж. Содержанка, во всяком случае, всегда может оставить своего покровителя, если ее что-нибудь не устраивает. К тому же она зарабатывает деньги, которые принадлежат только ей одной. И она не дает никаких клятв мужчине-покровителю, а значит, он не властен над ней в глазах закона.

Холодный ветер усилился и пронзал ее насквозь, несмотря на теплую накидку и юбки. Ноги у нее совсем ооченели. Серена напряженно всматривалась во тьму, но не видела никаких признаков человеческого жилья. Но ведь поблизости вполне может оказаться хоть какое-то укрытие, убеждала она себя. Кустарники на обочине были высокие и даже в ноябре, совсем лишенные листвы, так густо переплелись, что не позволяли рассмотреть, что находится по другую сторону.

Женщина снова прибавила шагу, по-прежнему пытаюсь решить, что же делать. Она еще могла вернуться домой и выйти замуж за Сила. В конце концов его склонность к разврату его и погубит. И есть надежда, что он умрет даже быстрее, чем ее первый муж, и уж на этот раз Серена постарается сохранить любое наследство, которое может ей перепасть...

Поймав себя на пораженческой мысли, женщина поняла, что в душе уже отказалась от своего столь практичного выбора.

Проститутка... А сможет ли она ею стать?

Хм, а кем еще Серена была для Мэтью? Не важно, с обручальным кольцом или нет.

По крайней мере так она сама будет распоряжаться своей судьбой.

Шум прервал ее путаные мысли. Стук копыт! Испугавшись погони, Серена резко развернулась.

Карета!

Нет, парный двухколесный экипаж.

Мужчина.

Незнакомый, с невероятным облегчением подумала она.

И все равно сердце ее испуганно заколотилось. Серена вовсе не жаждала попасть в руки любого мужчины в данной ситуации: одна на дороге, ночь, холод, спрятаться негде. Женщина повернулась и заспешила вперед, хотя и понимала, насколько безумна эта попытка перегнать коляску с четверкой лошадей.

Экипаж приближался. Огромные взмыленные гнедые почти догнали ее, но вдруг замедлили ход, затем пошли рядом, словно подлаживаясь под нее.

– Позвольте подвезти вас, мадам?

Изысканная речь, но что хорошего можно ожидать от мужчины, который пристаёт к одинокой женщине на дороге? Серена молила Бога, чтобы незнакомец оставил ее в покое.

Экипаж по-прежнему медленно ехал рядом.

– Мадам.

Ну почему он такой назойливый? Серена слегка повернулась, по-прежнему скрытая капюшоном накидки.

– Благодарю вас, мне не нужна помощь.

Она зашагала дальше.

– Мадам, до ближайшего жилья почти две мили, насколько я помню. К тому же тьма кромешная, холод свирепый уже сейчас, и по всем признакам надвигается буря.

Как бы в доказательство его слов резкий порыв ветра швырнул ей в лицо несколько ледяных капель.

– Я не могу оставить вас здесь, – спокойно объяснил он.

Серена поняла, что он не уедет, остановилась и посмотрела на незнакомца. Да-а, этот совсем не похож на робкого торговца шерстью, от него так просто не отделаться. Щеголь, светский щеголь, с ног до головы денди, от модной кастровой шляпы до блестящих сапог. Улыбка на худом красивом лице выдавала, что он слегка подтрунивает. Над ней, между прочим.

– Не хочу пугать вас, мадам, но вот-вот начнется буря, и вам будет небезопасно и даже неприлично остаться одной на дороге в такую пору. И войдите в мое положение, – добавил незнакомец с легкой усмешкой, – меня воспитали джентльменом, к тому же доброе сердце – мое вечное проклятие. Я просто не могу бросить вас здесь одну. Если вы настаиваете идти пешком, то мне придется сдерживать гнедых, чтобы всю дорогу ехать рядом.

Серену подкупили юмор и доброта, редко встречавшиеся на ее жизненном пути. Она растерялась и не знала, как ей отреагировать на них. За нее решил порыв ледяного ветра. Женщина отчаянно нуждалась в крыше над головой.

Осторожно подойдя к экипажу, Серена подняла ногу, чтобы забраться. Незнакомец протянул руку и резким рывком усадил ее рядом.

Их руки встретились на считанные секунды, к тому же и он и она были в перчатках. Но даже от этого мимолетного прикосновения у женщины на мгновение перехватило дыхание. Худой и сильный. Она не привыкла к таким молодым людям. Ее отец, братья, муж были сильными, но расплывшимися, обрюзгшими, с руками, напоминавшими окорока.

Когда-то, будучи юной и невинной, Серена посматривала на подобных молодых людей и хихикала над ними со своими подружками, задумываясь порой, кто же из них станет ее судьбой. Но после ее замужества они исчезли из ее жизни. Этот мужчина пугал Серену.

Однако он не делал ничего страшного, а просто умело правил лошадьми, заставляя четверку перейти на быструю рысь.

– Куда вы направляетесь, мадам? Я доведу вас до самого порога.

– В Херсли, – кратко ответила Серена, глядя прямо перед собой и крепко сцепившись в бортик.

Теперь, когда Серена смотрела на придорожный кустарник сверху, она поняла его тревогу. С одной стороны простирались голые поля, с другой – уныло чередовались лишённые растительности холмы. И никакого жилья поблизости. Тяжелые свинцовые тучи клубились на небе, подгоняемые крепчавшим ветром, а на горизонте он уже свирепо теребил верхушки деревьев.

– Я как раз еду через Херсли, так что мне ничего не стоит довести вас туда. Кстати, меня зовут Мидлторп. Лорд Мидлторп.

Серена бросила на него подозрительный взгляд. Знала она нескольких лордов, и ни один ей не нравился. Мэтью был мелким баронетом, а его друзья – и вовсе не родовитыми. Богатые, ничего не скажешь, но в основном мелкие сошки. Редкие представители благородных семей, окружавшие Мэтью, были просто отбросами общества. Что было еще одной из причин для гнева Мэтью – сливки аристократии не соблазнялись его расточительной щедростью.

Лорды, которых до сих пор доводилось встречать Серене, были насквозь прогнившими распутниками. И еще она была уверена, что по-настоящему благородные пары королевства не подбирают случайных прохожих из чистого милосердия. Женщина уставилась на проносившую мимо дорогу и размышляла, останется ли она в живых, если выпрыгнет из экипажа на полном ходу...

– Позвольте узнать ваше имя, мадам.

– Серена Олбрайт.

И тут же спохватилась, что назвала свое девичье имя.

Почему?

Несомненно, Серена хотела стереть из памяти всякое воспоминание о замужестве. И признаться, она содрогнулась от мысли, что этот модный лорд узнает имя Ривертон и сообразит, что незнакомка и есть та самая вымуштрованная женушка, которой похвалялся ее муж. Откуда ей знать, как далеко он заходил в своем пьяном бахвальстве?

Лорд Мидлторп больше ни о чем не спрашивал, с поразительным умением погоняя лошадей, поскольку ветер усилился, а дорога была хуже некуда. Серена завороченно смотрела на сильные руки, ловко управлявшиеся с поводьями. Затем ее взгляд скользнул по тяжелому плащу со множеством пелерин и перешел на его лицо.

Мужчина не выглядел развратником. Его классический профиль можно было даже назвать красивым. Ее всегда восхищали чистые линии, поскольку собственный носик был слегка вздернут, а глаза имели миндалевидную форму.

Боже, какая же она идиотка!

Серена чуть не расхохоталась. Сидела тут и переживала по поводу намерений своего спасителя, когда еще совсем недавно твердо решила стать на путь падшей женщины!

Так вот же он – претендент в покровители!

Если незнакомец, подобно торговцу шерстью или безденежному капитану, начнет соблазнять ее, то ей надо лишь поддаться на его уловки и назначить свою цену.

Но, оказавшись так близко перед целью, ее разум воспротивился. Пусть этот мужчина молод и красив, но он все же мужчина. И будет ждать от Серены того же, чего ожидал Мэтью, делать то же, что делал Мэтью...

Ну, а какой у тебя выбор, подал голос ее здравый смысл.

На этот раз, если все станет совершенно невыносимо, ты сможешь уйти.

Все равно...

Лорд Мидлторп, вероятно, заметил, как ее передернуло.

– Замерзли, мадам? Теперь уже недолго. Но ветер усиливается.

Он хлестнул лошадей, стараясь ускорить их бег. Но уже через мгновение колесо зацепилось за корень, и они чуть не перевернулись. Незнакомца с силой бросило на нее, пока он натягивал поводья, чтобы как-то выправить положение.

– Прошу прощения, – выдохнул лорд Мидлторп, как только снова овладел ситуацией. – С вами все в порядке?

– Да, благодарю вас.

Серена выпрямилась, все еще чувствуя прикосновение его тела.

Но их эмоции на сей счет тут же притупились из-за разбушевавшейся стихии. Ветер теперь непрерывно рвал с нее накидку, словно злобное чудовище, и грозил перевернуть экипаж.

– Воистину, – прокричал лорд Мидлторп, – я, конечно, ожидал бурю, но предвидеть такое... Я вижу ферму справа от нас, мадам. Вы не знаете, они не откажутся приютить нас?

С громким треском с ближайшего дерева отломился толстый сук. Он пролетел рядом с экипажем, так что лорду опять пришлось успокаивать лошадей, чтобы ехать дальше.

Серена не слышала, что бормотал незнакомец, и решила, что это даже к лучшему.

– Ну так как? – снова прокричал он. – Боюсь, что нам не удастся добраться до Херсли.

– Не знаю! – прокричала Серена в ответ. – Я не здешняя.

Незнакомец изумленно взглянул на нее, но тут же отвернулся, направляя четверку на разбитую дорогу, ведущую к фермерскому дому. Сквозь голые стволы деревьев маняще пробивался огонек.

Серене некогда было рассуждать, что он подумал о ней. Ветер достиг уже ураганной силы. Близкую к ним копну сена разметало в разные стороны, и невероятной силы порыв чуть не опрокинул коляску.

– Нам лучше выйти и дойти пешком! – крикнул лорд Мидлторп и, согнувшись, пошел к обезумевшим лошадям.

Серена поняла, что ему не до нее, и неловко выкарабкалась из коляски. Ее тяжелую накидку трепало, словно легчайшую хлопковую ткань, так что она практически не защищала от холода.

Серене удалось добраться до коренной и ухватиться за поводья, скорее для того, чтобы удержаться на ногах, чем успокоить животное. Удалось, правда, и то и другое. Борясь с ветром, они двинулись к фермерскому двору.

Ввалившись во двор, они уже не чувствовали ветра – здесь было много подсобных помещений. Но угрожало другое: в воздухе носились тучи пыли, песка и соломы. Серена выпустила постромки и пониже надвинула капюшон, чтобы защитить глаза от этого летающего мусора. Она увидела, как покотившееся ведро резко ударило лорда Мидлторпа в колено, и он дернулся от боли.

Серена вцепилась в каменную поилку для лошадей, с трудом представляя себе, как она доберется до дома.

С покосившейся кормушки сорвалась доска и просвистела мимо ее головы, прежде чем с грохотом удариться о каменную стенку сарая.

Френсис Мидлторп вовремя заметил, что чуть не произошло несчастье. Боже, да она просто крошечная, ей нипочем не справиться с этим чудовищным ветром.

Он постарался поскорее завести испуганных лошадей в сарай, так что у него наконец высвободились руки. Френсис схватил женщину и, закрывая собой, начал двигаться к дому.

Он постучал, но в таком шуме никто, разумеется, не услышал их, так что Френсис распахнул дверь и буквально затащил ее внутрь, с облегчением закрыв дверь и отрезав их от разгулявшейся снаружи стихии.

Они оказались в выложенном плиткой коридоре, освещаемом лишь через маленькое окошко. Грязные сапоги и деревянные башмаки стояли рядом, указывая на большое число проживающих. На крючках, вбитых в стену, висели тяжелые плащи и пальто.

В коридоре стояла относительная тишина. И их наконец перестало сбивать с ног разбушевавшимся ветром. Оба несколько минут приходили в себя, пытаясь выровнять дыхание. С глубоким вздохом облегчения Серена откинула капюшон и тряхнула головой.

Френсис остолбенел. Даже растрепанная и бледная, перед ним стояла самая красивая женщина, какую он когда-либо встречал в своей жизни.

Нет, подумал Френсис, это просто нелепо. Он видел множество красавиц: блондинок и брюнеток, худых и пышных...

Но ни одной такой, как эта.

Его завороченный взгляд впитал в себя ярко-рыжие волосы, выбившиеся из узла, и безупречные черты лица...

Нет, не безупречные. Губы у нее слишком полные, а короткий носик был отчаянно курносим. А глаза...

Ее глаза тоже нельзя было назвать безупречными. Глубокие, темные и огромные, миндалевидной формы, под тяжелыми веками. И хотя Френсис точно знал, что такого быть не может, но эти глаза сияли, как у женщины, только что расставшейся с пылким любовником.

А производимый эффект усиливался, как он понял, исключительно странными духами. Серена просто купалась в аромате, притягательном и неистребимом. В нем отсутствовал запах цветов, такие духи были ему знакомы, поскольку ими пользовались его мать и сестры. Этот же аромат состоял из пряных мускусных запахов, так и кричавших о страсти.

Неожиданно Френсис вспомнил, что уже вдыхал подобный аромат у Терезы Бельэар – владелицы первоклассного дома терпимости и самой опасной женщины, какую он знал.

Проститутка.

Серена Олбрайт, должно быть, проститутка.

«Доступная проститутка?» – тут же откликнулась его оптимистически настроенная плоть.

С трудом Френсис припомнил, что необходимо дышать, чтобы не задохнуться. С еще большим трудом он призвал себя к благоразумию. Тереза Бельэар была столь коварной, что едва не погубила его лучшего друга Николаса. Встретить подобную женщину бредущей по проселочной дороге – могло означать только лишние неприятности, точнее сплошные неприятности.

Серена неуверенно посмотрела на своего спутника.

– Хозяева вероятнее всего не расслышали нашего стука, милорд. Не пора ли сообщить им, что у них нежданные гости?

– Я просто соображаю, что сказать им, мисс Олбрайт.

– Что мы просим у них приюта на время бури, наверно? Христианское милосердие не позволит им отказать нам в помощи.

– Все это так, но что мне сказать о вас? Я еду по делу в Веймут, а вы?

Серена удивленно вздрогнула, и Френсис понял, что она хоть ненадолго, но забыла про свои обстоятельства, каковы бы они ни были.

– Может, я пострадавшая из перевернувшейся кареты? – предложила женщина наугад.

– Тогда где же ваши слуги и кучер?

Ее губы дрогнули: что ж, ложь явно неудачна.

– Боюсь, что в таком случае у меня нет никакого объяснения, милорд.

– Мисс Олбрайт, мне надо срочно позаботиться о лошадях, так что времени на обмен любезностями нет. Что я должен сказать о вас?

Серена гордо вздернула подбородок.

– Правду, пожалуй.

Френсис пожал плечами.

– Как вам будет угодно.

Но это будет дьявольски странно воспринято, подумал он.

Френсис прошел к двери в конце коридора, но она открылась раньше, чем он постучал. Сквозь приоткрытую дверь проникали свет, тепло и аппетитные запахи пищи.

– Кто там? – спросил грубый голос, и Френсис увидел дуло ружья, направленного прямо на него.

– Не разбойники, сэр, – быстро произнес он. – Мы просто ищем приюта на время бури. Вы не расслышали наш стук.

Вероятно, сыграл свою роль его благородный акцент, но ружье опустилось. Говорящий вышел в коридор, оказавшись высоким, изможденным мужчиной с длинной черной бородой. За ним Френсис увидел кухню, полную людей.

– Еще никто не посмел сказать, что Джереми Пост отвернулся от добрых христиан в час нужды. А кто вы такие?

Несмотря на слова, тон был недовольный, а взгляд – колючий и подозрительный.

Увидев перед собой этого ревностного христианина, Френсис мгновенно нашелся:

– Меня зовут Хейл, а это моя жена. Мы хорошо заплатим за ночлег.

Уже секунду спустя Френсис засомневался в мудрости принятого решения, когда расслышал сдавленный протест своей спутницы. Но он был уверен, что иначе нельзя. Уж очень было похоже на то, что этот патриарх вышвырнет Серену Олбрайт на улицу, невзирая на погоду, если она не выкажет хоть какое-то подобие респектабельности.

Простую незнакомку еще стерпели бы, но эту эротическую сирену? Да никогда.

И лучше всего было не упоминать титул, если в скором времени тебе предстоит жениться.

Запавшими глазами мужчина рассмотрел их, задержавшись на Серене с явным неодобрением, но затем отступил в сторону.

– Заходите.

Кухня была набита людьми и наполнена ароматом готовящихся на плите блюд. К этому примешивался стойкий запах немытых, потных тел, но Френсису было уже все равно. Он даже подумал, что это, пожалуй, к лучшему, ибо перебьет одуряющий запах духов Серены. Он насчитал около десяти человек разного возраста, пока вел свою спутницу к огню. Прямо над очагом висела вышитая цитата из Библии: «Глаза Божьи повсюду, видят и зло, и добро».

– Шем, Хем, – рявкнул мистер Пост. – Позаботьтесь о лошадях мистера Хейла.

Два мускулистых парня, сидевших на дубовой скамье у огня, угрюмо поднялись на ноги и вышли.

– Сюда, сэр. Присаживайтесь и жену пригласите.

Френсис повернулся помочь своей спутнице снять накидку, с удивлением отметив ее отменное качество. Она была сшита из плотного камлота с опушкой из соболя и, должно быть, обошлась какому-то мужчине в приличную сумму. Под накидкой оказалось суконное платье

с таким вырезом на великолепной груди, что мистер Пост точно заполучит судороги. Френсис счел за лучшее отвести взгляд.

Серена Олбрайт, казалось, даже не заметила произведенного ею фурора и старательно стаскивала кожаные перчатки.

И снова глаза Френсиса выхватили самое главное. На ее руке красовались обручальное кольцо и перстень с большим изумрудом.

Она была замужем? Это чудесное создание принадлежало какому-то мужчине, а он позволил ей разгуливать без сопровождения в такую погоду?

– Сара, – тотчас же приказал мистер Пост кому-то из женщин, сидящих за столом. – Передай миссис Хейл свою шаль. Ее продует.

Худенькая девушка поспешила протянуть Серене черную вязаную шаль. Френсис мог бы поклясться, что губы Серены дрогнули, когда она накинула шаль на плечи. Серена нежно улыбнулась хозяину.

– Благодарю вас, мистер Пост. Вы так добры.

Джереми Пост яростно взглянул на нее, сжав в зубах длинную глиняную трубку. Френсис понял, что он проклинает ту минуту, когда впустил эту блудницу на свой порог. Френсис и сам испытывал нечто подобное. Они наконец расселись, и Френсис сказал:

– Я благодарен вам за гостеприимство, мистер Пост. То, что творится на улице, просто неопишимо.

Ветер завывал, стекла дребезжали, и периодический грохот говорил о том, что ураган бушует по-прежнему.

– Божья кара всем грешникам на земле, – пробормотал хозяин. – Ну и откуда же вы?

– У меня хозяйство рядом с Эндовером. Френсис несколько не солгал. Его имение Торп-Прайори располагалось именно там.

– Богатое хозяйство, не сомневаюсь, – с усмешкой сказал хозяин. – «Трудись не для богатства, ищи удовлетворение в собственной мудрости», – процитировал он.

Френсис поднял брови.

– Звучит как напутствие для бездельников. А как насчет «Сильные да достигнут богатства»? – возразил он.

Мистер Пост в замешательстве злобно сверкнул глазами, но Френсиса отвлекли сдавленные звуки. Похоже, его «жена» усиленно сдерживала хохот. Ей надо бы собраться. Если они будут вести себя вызывающе, то, пожалуй, снова окажутся на улице в самый разгар урагана.

Но Френсис терпеть не мог религиозных фанатиков такого толка.

«Испорченная душа, злой человек бродит с искусным языком», – снова процитировал патриарх. – Мы не потерпим безбожников в этом доме, мистер Хейл.

– Я не терплю безбожников где бы то ни было, – дружелюбно поддакнул Френсис, пытаясь быть любезным.

Он всерьез задумался над ситуацией. Выбора у них практически не было, оставалось лишь придерживаться рассказанной лжи и провести ночь в этом крайне неприятном доме.

Френсис осмотрелся.

Здесь чувствовалось определенное благосостояние судя по мебели и посуде, а также из-за окороков и других продуктов, свисавших с потолка. Но был и налет аскетизма. Одежда была тусклых расцветок, и единственными украшениями, если это можно так назвать, в комнате служили вышитые цитаты из Библии, развешанные в разных местах.

На одной стене Френсис заметил изречение, выжженное на дереве: «Не жалея для него розги, и спасешь его душу от ада». А ниже на небольшом выступе лежала розга, готовая к употреблению.

Сколько же людей подчинялись этому тирану? Четыре женщины были заняты приготовлением ужина: предположительно миссис Пост с тремя дочерьми. Совсем юный парнишка вра-

щал вертел, а в кресле-качалке посапывала древняя старушка. Да те два молодца Шем и Хем которые пошли присмотреть за лошадьми. Можно было биться об заклад, что вращателя вертела наверняка зовут Джафет.

Несмотря на явное отвращение к окружению, Френсис развеселился от мысли, что Джереми Пост явно ощущает себя Ноем, но тогда и фермерский дом – это ковчег посреди бури, не так ли? Френсису пришлось одернуть себя. В этом доме смех наверняка считается грехом.

– Терпеть не могу пришлых, – резкий голос Поста прервал размышления Френсиса.

– Жаль, – кратко ответил он, вытягивая ноги к огню.

– И терпеть не могу всех этих господ тоже. «Лучше меньше, да со страхом Божьим, чем богаче, да с кознями дьявола». Только троньте хоть одну из моих девчонок, и я за себя не отвечаю.

Френсиса передернуло от мысли, что он коснется хоть одной из женщин этой семьи.

– Я здесь вместе с женой, мистер Пост.

– Угу, – буркнул хозяин, бросив ядовитый взгляд на Серену.

Хлопнувшая в коридоре дверь сообщила о возвращении Шема и Хема, и через мгновение они вошли на кухню. Оба застыли при виде Серены, даже прикрытой шалью, да так и остались стоять с открытыми ртами.

– Хватит таращиться, – рявкнул мистер Пост, и парни покраснели и отвели глаза. – Запомните: «Губы чужой женщины медоточивы, но сердцевина ее горька, как червоточина».

– Мистер Пост, – любезным тоном произнес Френсис, – если ваши сыновья хоть как-то оскорбят мою жену, я не отвечаю за последствия.

Джереми Пост сжал кулаки.

– Если бы это не было не по-христиански, мистер Хейл, я бы вышвырнул вас с женой снова на улицу.

Френсис спокойно отреагировал на это заявление, его мысли сейчас были заняты другим. Например, как они все разместятся на ночь. А вдруг возникнет ситуация, когда Серена окажется во власти двух сыновей Поста, очень похожих в данный миг на волков, почуявших свою первую телочку.

Оставалось только удивляться, не испытывает ли и он, несмотря на всю свою умудренность, такую же озабоченность, что и парни. Френсис заметил, что мысли о Серене неотступно преследовали его. И даже разнообразные запахи на кухне семейства Пост не смогли заглушить этот соблазнительный запах. А поскольку она сидела с ним рядом, трудно было не заметить ее мимолетные прикосновения.

Френсис рискнул взглянуть на Серену. Ее кожа была изумительной, безупречно белая, как жемчужина, и сияющая каким-то внутренним светом. Она смотрела прямо перед собой, и Френсис с удовольствием отметил, какие у нее длинные и густые ресницы. Впрочем, нос был отчаянно курносый, но Френсис не мог заставить себя счесть это за недостаток в ее внешности. Просто из-за него Серена казалась ранимой и похожей на ребенка.

Но совсем не детским было ее спокойствие. Может, от усталости? Или она хорошо владеет собой? Френсис никак не ожидал такого самообладания в падшей женщине. Так она замужем или шлюха? А кем бы он хотел ее видеть?

Френсис напомнил себе, что в скором времени собирается жениться на добродетельной юной леди, и заставил себя отвести глаза.

Казалось, окружающие не сговариваясь пришли к выводу, что молчание – золото, и оно тяжело повисло в комнате. Лишь изредка звяканье посуды да посвистывающий храп старухи нарушали его. Френсис взялся придумывать приемлемые объяснения жизненных обстоятельств, в которые попала Серена, но был слишком утомлен, чтобы вкладывать в это много фантазии и энергии.

Затем накрыли ужин. Простая, но здоровая пища, слава небесам: густой ячменный суп, кусочки ветчины с тушеной капустой и свежий хлеб с джемом из крыжовника. После продолжительной благодарственной молитвы с огромным количеством цитат о добродетелях простой, богоугодной жизни, постоянно противопоставляемой жизни, наполненной безумной роскошью, все принялись за еду. Френсис ел с аппетитом и заметил, что и Серена тоже уплетала за обе щеки. Конечно, он никак не мог знать, когда она ела в последний раз.

Он вообще о ней ничего не знал.

Серена, несомненно, была загадкой, потому что какая такая причина вынудила леди брести в одиночку по зимней дороге? Весьма сомнительно, что она была замужем за приличным человеком. Самое правдоподобное, что ему пришло в голову, было то, что она, вдовствуя, стала чьей-то любовницей, и ее бессердечно бросили. Даже если ее добродетели и были под сомнением, не в его характере отворачиваться от какой бы то ни было женщины, попавшей в беду.

Но что же ему все-таки с ней делать?

Поскольку его поездка в Веймут могла оказаться скандальной, он выехал без грума. Но Френсис никак не мог взять с собой эту странную авантюристку. Впрочем, бросить ее здесь он также не мог. Вероятно, когда Френсис сумеет поговорить с ней наедине, то отыщется какой-нибудь выход, можно будет как-то решить ее проблемы, в чем он ей с радостью поспособствует.

Но как устроить этот разговор с глазу на глаз в доме, битком набитом людьми?

И лишь в конце ужина Френсис сообразил, что их тет-а-тет устроится сам по себе, без всяких осложнений. Ведь спать им придется в одной комнате.

Глава 4

В семействе Пост все было заведено на деревенский манер. Спать в эти короткие ноябрьские деньки ложились рано. Женщины отправлялись в постель, как только перемоют посуду после ужина да приберутся на кухне. Мужчины тоже спешили доделать свои дела на конюшне или в коровнике и отправлялись вслед за женщинами.

Прежде чем в последний раз обойти и запереть сараи, Джереми Пост прочитал всем на сон грядущий Библию, многозначительно включив в свою проповедь наказ: «Держись подальше от уст дьявольских – лъстивого языка чужой женщины. Не возжелай ее красоты в сердце своем. Не позволяй и ей вкушать плоть твою глазами ее».

Это явно предназначалось Хему и Шему, но Френсис подумал, что не мешает и ему последовать данному совету. Он криво усмехнулся. Значит, колдовские чары Серены не оставили равнодушным и фанатика-патриарха.

После чтения Библии Серену и Френсиса проводили в лучшую спальню в доме. Правда, выглядело это так, словно сопровождают опасных преступников, дабы лишний раз убедиться, что они крепко и надежно заперты. Покои, очевидно, принадлежали мистеру и миссис Пост.

Френсис попытался было возразить, но ему быстро растолковали, что дом переполнен, а спальню удалось высвободить лишь потому, что миссис Пост перебралась на эту ночь к дочерям, а мистер Пост – к сыновьям. Френсис понял, что нет смысла и намекать, что они с Сереной могли переночевать точно так же.

Помня о бросаемых исподтишка на Серену похотливых взглядах всеми сыновьями, включая и молокососа Джафета, Френсис и сам не согласился бы отпустить Серену куда-то, где не смог бы ее защитить.

Когда дверь за ними закрылась и они остались наедине в крошечной комнате, он покаянно улыбнулся.

– Прошу прощения. Все это крайне неловко.

Серена присела на краешек кровати.

– Ну и странная семейка! Не волнуйтесь, милорд, я не упаду в обморок от смущения. Уж лучше мне остаться здесь с вами, чем там с ними. В конце концов, я ведь не чувствительная девственница.

Слова прозвучали несколько вульгарно, но в сочетании с ее невероятной, разжигающей страсть красотой они вскружили ему голову щедростью эротического обещания.

Интересно, подумал Френсис, как бы она отреагировала, если бы он сказал: «Но я девственник». Это было правдой. Слишком брезгливый, чтобы наслаждаться услугами порочных женщин, и слишком порядочный, чтобы пользоваться слабостью невинных, Френсис был исключением среди своих друзей, хотя они полагали, что он умеет устраивать свои амурные дела крайне деликатно.

Однако его девственность была еще одной важной причиной для женитьбы. Мысль о леди Анне тут же заставила его проявить благоразумие.

– Я поплюю на полу, – произнес Френсис.

Серена обвела взглядом крошечную спальню.

– Где?

Ему пришлось признать, что если он не собирается провести ночь под кроватью, его предложение прозвучало глупо, поскольку места просто не было. Хозяева заполнили все доступное пространство шкафами, маленькими столиками, креслами и прочими нелепыми предметами. С одной стороны кровати оставалась узкая полоска голого пола, но выглядела крайне неудобно, и Френсис не мог не подумать о сквознях, посвистывающих в щелях пола.

– Мой дорогой лорд Мидлторп, – любезно произнесла Серена, – как вы, вероятно, и сами успели заметить, это довольно широкая кровать. Уверена, мы оба поместимся здесь, даже не заметив друг друга, если, – тут она искоса взглянула на него, и у него прямо-таки перехватило дыхание, – если это именно то, чего вы хотите.

Проклятье! Эта женщина пыталась соблазнить его! Но, как ни странно, он понял, что жаждет быть соблазненным. Он был ничуть не лучше сыновей Поста.

Френсис смешался и к своей досаде покраснел.

Видя, что он молчит, Серена вспыхнула.

– Если кто и должен испытывать смущение и неловкость в данной ситуации, то я, а не вы. Ее покрасневшие щеки делали ее просто неотразимой...

Френсис глубоко вздохнул и попытался овладеть своими эмоциями. Разве он впервые испытывал желание? Сколько раз ему удавалось победить похоть! Он не собирался делать глупости из-за случайно встреченной ветреницы.

«Не возжелай ее красоты в сердце своем, – напомнил Френсис себе. – Не позволяй и ей вкушать плоть твою глазами ее».

Он плюхнулся в деревянное кресло у кровати.

– Уверю вас, мадам, вам нечего опасаться. А теперь расскажите мне, почему вы оказались на дороге в такую непогоду.

Взгляд ее померк, она стыдливо потупилась.

– Я не смею.

Не смею. Интересная фраза. Френсис задумался над этой загадкой. Ее ярко-рыжие волосы выбились из прически и кудрявились восхитительными бронзовыми прядями в свете свечи, округлые формы тела были воплощенной красотой. Даже под уродливой шалью грудь женщины вырисовывалась так чувственно и с таким обещанием, словно умоляла о прикосновении его ласковых пальцев. Аромат ее духов густо наполнил комнату.

Серена была загадкой и неизвестностью, к которым взывала его плоть, но он крепился из последних сил.

Ее кольца блеснули на свету, отрезвляюще подействовав на него.

– Где ваш супруг? – спросил Френсис.

– Он умер.

– А семья?

– У меня нет никого, кто мог бы помочь.

– Но у вас должен быть дом, слуги...

– Нет.

Столкнувшись с такой наглой ложью, Френсис начал терять терпение. День выдался и в самом деле дьявольски трудным. А теперь на него свалились эта лгунья-авантюристка да еще растущее желание, которому он решил не поддаваться ни в коем случае.

– Куда же вы тогда направлялись, мадам, одна и пешком?

Женщина с упреком взглянула на Френсиса:

– Меня зовут Серена, и я прошу вас обращаться ко мне по имени.

– Это невозможно, мадам.

– Почему? Мы же собираемся делить одну постель.

– Мадам. – решительно заявил Френсис, – вы крайне бесстыдная и подозрительная особа. Ее щеки снова вспыхнули.

– Бесстыдная? У меня и в мыслях не было лгать, милорд!

– А если бы я не солгал, вас выбросили бы на улицу на произвол судьбы. Как, вероятно, вы и заслуживаете.

– Я не заслуживаю ничего подобного.

– Ни одна настоящая леди не осталась бы бесстрашной в такой ситуации.

Ее изумительные глаза сверкнули гневом.

– Так вы предпочитаете, чтобы я упала в обморок? Пожалуйста, если вы так настаиваете.

У меня хватает причин впасть в отчаяние.

– Каких? – тут же спросил Френсис. Серена снова прикрыла глаза и постаралась овладеть собой.

– Я не могу вам открыться.

– Ну и дьявол с вами. Ложитесь-ка спать.

Френсис встал с кресла. Поразмыслив секунду-другую, он решил, что не поступится своим комфортом ради этой женщины. Он снял сапоги и галстук, затем разделся до рубашки и кожаных бриджей.

Краем глаза Френсис заметил, что она забралась в постель полностью одетой, и засомневался, не был ли он несправедлив к ней, в конце концов. В данную минуту Серена чувствовала себя весьма смущенно, как чувствовала бы себя любая порядочная женщина. Френсис задул свечу и скользнул под одеяло, устраиваясь на самом краешке кровати.

В темноте, когда ее красота уже не возбуждала его, мужчина должен был тут же прийти в себя, но на его беду возникла новая проблема. Френсис впервые в жизни был в постели с женщиной. Ему казалось, что он слышит ее дыхание и чувствует тепло ее тела на расстоянии. Когда Серена слегка повернулась, то кровать трепетно донесла до него это движение, а также волну ее дразнящего запаха.

Френсис беспокойно заерзал.

– Вы действительно вдова?

– Да.

– Тогда эти духи вряд ли приличны. Они больше подходят шлюхам.

– Вы хотите сказать, что вам они не нравятся? – спросила Серена раздраженным тоном.

– Это не важно.

Господи, кажется, он и сам не лучше взбесившегося пастора.

– Спице, миссис Олбрайт. Я должен выехать очень рано.

– Вы?

– Я еду по очень срочному делу. Не волнуйтесь, мадам. Я доведу вас до Херсли.

Интересно, а кто у нее в Херсли? Любовник?

Френсис услышал хлопанье дверей, когда мужчины возвратились в дом, затем грузные шаги по лестнице и тихую возню в соседней комнате. Наступила тишина, лишь старый дом поскрипывал, да умиравший ураган изредка глухо ворчал.

Внезапно женщина мягко произнесла:

– Мне, право, жаль, что все так вышло. Вы были очень добры ко мне, а я только все усложняю. Эти духи выбрал мой муж. Я ими больше не пользуюсь, но запах еще хранит кое-какая одежда. Он вообще крайне прилипчив.

Это породило у Френсиса новые вопросы, но он предпочел проигнорировать их. Однако не удержался от совета:

– Мадам, на вашем месте я бы хорошенько проветрил всю одежду.

Френсис надеялся, что на этом с разговорами будет покончено. Теперь, если удастся позабыть о ее присутствии в той же постели, то, может, ему посчастливится хоть немного поспать.

Но это было невозможно. Тело его изнемогало от желания, и он беспокойно ворочался.

– Мне очень жаль, что эти духи пробудили в вас желание, – сказала Серена. – Если хотите, можете взобраться на меня.

– Что-о-о?!

Френсис отказывался верить своим ушам.

– Я причиняю вам неудобства, – неуверенно произнесла женщина. – Будет только справедливо, если я же помогу вам с ними справиться.

Желание обожгло Френсиса, но он поборол его. Теперь он точно знал, кто она: шлюха самого вульгарного пошиба. Он будет идиотом, если поддастся ей. Только Богу известно, какую цену придется заплатить за это впоследствии.

– В этом нет нужды, – холодно произнес Френсис. – В конце концов, вы же не рискнете забеременеть?

– Я не могу зачать ребенка, – призналась Серена очень тихо. – Я не способна к деторождению.

И Френсис с удивлением услышал свой голос:

– Извините.

Снова повисла тягостная тишина, а затем кровать заскрипела, когда Серена отвернулась от него.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Френсис с недоумением осознал, что его задело, с какой легкостью женщина предложила, а потом отвергла их желанное соитие. Он тоже повернулся к ней спиной, убеждая себя, что ему чрезвычайно повезло. Легко отделался. Могло быть хуже.

Тело его удалось убедить в этом значительно позже.

Серена свернулась клубочком.

Френсис ее отверг. Господи всемилостивый, что же с ней теперь будет, если подходящие мужчины не хотят ее? У нее оставалось всего лишь четыре гинеи в кармане, и ничего больше.

Может быть, ее спаситель сыграл с ней злую шутку. Может, лучше было бы умереть на дороге во время бури. Бесчестье может быть лучше смерти, но уж если смерти никак не миновать, то она бы предпочла бы быструю смерть, а не мучительную, изнуряющую, голодную.

Что же ей теперь делать? Что же ей теперь делать? Измучившись от тревоги, женщина уснула... Серена внезапно проснулась от резкого звука. Женщина мгновенно вспомнила и где она, и что было утро, а шум был оттого, что кто-то из хозяев что-то уронил. Сквозь тяжелые шторы пробивался первый свет, но в комнате по-прежнему было темно.

Тишина за окном означала, что буря утихла. Ничто не мешало им уехать, ничто не мешало этому мужчине высадить ее в Херсли и исчезнуть из ее жизни навсегда.

Что же с ней будет? Ее напускная, подогреваемая паникой храбрость испарилась, и Серена была в ужасе перед окружающим миром и неизвестностью. Через несколько часов она снова останется одна, она, которая никогда не оставалась одна, ни разу в жизни.

Серена не вернется к своим братьям, чтобы снова быть проданной.

Однако она сомневалась, что доберется до Лондона без посторонней помощи.

Ее случайный попутчик был единственным из встреченных ею мужчин, кто по-доброму отнесся к ней. Он может быть женатым.

Но женатые мужчины тоже содержат любовниц. Как это делается?

Если она просто предложит себя, согласится ли Френсис? Впрочем, Серена уже пыталась сделать это.

Наверное, ей надо показать ему свою опытность?

Серена судорожно перевела дыхание. То, что она задумала, приводило ее в смятение и ужас, но все же, может быть, после этого Френсис не будет так страстно стремиться уехать...

Она знала, что надо делать. По крайней мере этого бы от нее потребовал Мэтью. Но все ли мужчины одинаковы в этом отношении?

Серена лежала, скованная нерешительностью. Она в жизни не целовала никого, кроме собственного мужа, а вот теперь замыслила соблазнить совершенно незнакомого мужчину.

Впрочем, у нее по-прежнему не было выбора. Она осталась одна-одинешенька в этом мире, с единственной ценностью, какую могла предложить.

Серена придвинулась к нему и ощутила жар его тела. Ее рука робко скользнула по плечу мужчины. Вот это да! У нее даже перехватило дыхание от неожиданности. Лорд Мидлторп поразил ее великолепной мускулатурой. Ей тут же вспомнился Мэтью: оплывший, дряблый. Женщина легонько коснулась пальцами четких мышц живота и восхитилась силой незнакомца.

Впервые в жизни она наслаждалась, касаясь обнаженного мужского торса.

Френсис слегка пошевелился под ее рукой.

Серена замерла, смутно надеясь, что он проснется и обнаружит, чем она занимается. Тогда он либо возьмет инициативу в свои руки, либо пресечет ее ласки.

Френсис не проснулся.

Серена вздохнула и скользнула рукой чуть ниже...

Френсису снился сон... запретный эротический сон, каких он не видывал даже будучи подростком. Он купался в сводящем с ума запахе, а чья-то рука нежно ласкала его чресла, разжигая сладкий огонь, постепенно охватывающий все его тело.

Френсис передвинулся, и... его мучительница передвинулась вместе с ним. Серена наполнила его неизъяснимым восторгом, шелк волос нежно касался затылка, обволакивая его мускусным ароматом. Быстрые поцелуи покрывали его разгоряченную кожу, а кровь уже начала вскипать в жилах...

Френсис протянул руку, чтобы прекратить эту изощренную пытку, но шелк, шерсть и кружева слились воедино и ускользнули от него.

На помощь нежной ручке пришли трепетные губы, и горячий влажный язык творил с ним невероятные вещи. Френсис пробормотал: «Господи всемогущий!» – и его охрипший от возбуждения голос подсказал ему, что он не спит. Хотя в глубокой, полной дразнящего аромата темноте все казалось нереальным...

Где же он, к дьяволу, находится и с кем? Сердце оглушало его своими ударами. Френсис всем своим естеством сосредоточился на этих опаляющих губах. Его тело с жадностью отдавалось чувственному наслаждению, сладкой неумемной дрожи, экстазу, какого он никогда еще не испытывал. Но... Но...

Прежде чем из разрозненных фрагментов упоительных ощущений сложилась осмысленная картина происходящего, одна жаркая сладкая мука сменилась другой. На этот раз медленное скольжение в чудесную узкую расщелину было настолько восхитительным, что мужчина пробормотал какое-то богохульство и схватил это сводящее с ума существо, прежде чем ему удалось увернуться. Она рванулась из его рук, но лишь затем, чтобы больно укусить в плечо – обьятий она не разжала. Ее тело по-прежнему плотно держало его.

Смерч желания уничтожил всякую способность рассуждать.

Френсис перекатился и погрузился в этот грот наслаждения. Гладкие ноги сплелись с его ногами, зубы и ногти приносили телу изысканную боль. Неутомимые бедра привели его своим чарующим ритмом к дивному, потрясшему его высвобождению...

Френсис бессильно лежал на шелковой, пропахшей мускусом груди. Он чувствовал себя выжатым до изнеможения, но и переполненным фантастическим удовлетворением.

Нежные пальцы перебирали его волосы, играя их завитками...

И тут к нему вернулась способность рассуждать.

Его только что соблазнили!

Его, можно сказать, изнасиловали!

Ослабевшими руками Френсис оттолкнулся и буквально сполз с нее, яростно пытаясь овладеть своим затуманенным сознанием, дабы подыскать подходящие слова для обурававших его чувств.

– Какого... дьявола?..

Нежная ладонь успокаивающе коснулась его руки.

– Я просто воспылала страстью к вам, милорд...

Он смахнул ее руку и наклонился, чтобы рассмотреть в темноте ее лицо.

– А если бы я воспылал к вам страстью и взял вас ночью, вы были бы довольны?

– Вы не довольны?

В ее голосе явственно прозвучала обида, но ему было наплевать. Френсис был в ярости.

– Нет, не доволен. – Он снова хотел ее. Прямо сейчас. – Повторяю, мадам, зачем вы это сделали?

– Мне очень жаль, – прошептала Серена, и он услышал близкие слезы. – Я не подумала, что кому-то это может и не... Извините.

– Как вы объясните это? Пытались расплатиться со мной за небольшую любезность услугами шлюхи? Или здесь кроется нечто большее?

Серена закрыла лицо руками.

– Нет. Пожалуйста, не надо... я просто... просто хотела доставить вам удовольствие.

Френсис в замешательстве смотрел на контуры ее тела, злясь и сходя с ума от возбужденного вожделения, которое до сих пор ему удавалось обуздывать. Он опустил затуманенную голову на руки. К дьяволу! Она не заслуживает жалости!

– Я просто не хотела, чтобы вы бросили меня. Я надеялась, что вы возьмете меня в любовницы.

Френсис чуть не задохнулся от возмущения. Так вот как обстояло дело! Он был прав, подозревая в ней шлюху. Никаких чувств?! Лишь попытка заставить его почувствовать себя должником.

– Я и не собирался бросать вас, мадам, – холодно сказал он. – Несмотря на ваше поведение, я сдержу свое слово. Я довезу вас до Херсли.

– Мне незачем туда ехать.

Это был голос маленькой девочки, звучавший сквозь сдерживаемые рыдания.

Френсис понимал, что его подталкивают на скользкую дорожку, но не мог отказать этой невысказанной мольбе. Не мог он ее бросить. Что-то в нем восставало против такой жестокости.

Серена хотела стать его любовницей. Почему бы и нет?

Она была профессиональной проституткой, ее услугами мог пользоваться любой мужчина с толстым кошельком.

Но, несмотря на очевидные факты, Френсис все-таки сомневался в этом.

Наконец он принял решение.

– Я поселю вас в гостинице, мадам, и вы останетесь ждать моего возвращения. Я помогу вам.

Серена слегка наклонила к нему голову.

– И вы вернетесь?

– Вам придется научиться доверять мне, хотя вы и не привыкли к подобному.

Френсис встал и, чтобы как-то разрядить тягостную атмосферу, раздвинул шторы, впустив слабый утренний свет, и повернулся к ней.

Серена лежала неподвижно, но ее юбка задралась, а лиф платья сбился набок, обнажив восхитительную грудь. Растрепанные волосы упали на лицо, но не могли скрыть распутную красоту женщины. Свет был бессилен и против ее духов и запаха естества.

Боже, как же он жаждал накрыть ее собой и изучить каждую клеточку этого божественного тела! И на сей раз совершенно осознанно.

Серена, взглянув на Френсиса своими огромными глазами, прошептала:

– А как насчет того, чтобы я стала вашей любовницей?

Френсис с трудом выдавил из себя ответ:

– Сожалею, но не могу принять ваше предложение.

Сожаление по крайней мере было искренним.

Ее губы задрожали, как у испуганного, обиженного ребенка. Что, к дьяволу, ему делать с ней? Френсис отвернулся и начал одеваться.

Серена резко села.

– Вы уходите?

В ее вопросе звучал панический страх.

Френсис проигнорировал это. У него хватало забот с одеждой, которая была в полном беспорядке. Еще бы! Но мысль о том, что эта женщина раздевала его во сне, и приводила в ярость, и была невероятно возбуждающей.

– Мы уходим, – сказал он, застегивая бриджи. – Если вы, конечно, не передумали. Я не собираюсь тащить вас силой.

– Мне очень, очень жаль...

– Забудьте об этом. Что было, то прошло.

Со странным всхлипом Серена выбралась из постели. Френсис повернулся, но она уже склонилась над юбками, приводя их и лиф платья в порядок. Она также аккуратно заправила кровать и завернулась в черную шаль.

Когда Френсис взялся за ручку двери, то подумал, что, наверно, люди, разделившие такую потрясающую близость, должны были бы сказать друг другу намного больше. Но не придумал ничего, что не завело бы их в такие дебри, к которым он пока еще не был готов.

С трудом он призвал себя помнить о леди Анне, которая терпеливо ждала его возвращения и официального предложения руки и сердца.

Френсис вежливо открыл дверь перед своей неожиданной сиреной, и они спустились по лестнице.

После молчаливого, но плотного завтрака Френсис и Серена сели в экипаж и выехали в Херсли. Всю дорогу оба не раскрывали рта, потому что он не знал, что и сказать, а она попросту превратилась в безмолвную статую.

Одуряюще надушенную статую.

Но только глупец отвернулся бы от женщины, подобной Серене. Однако Френсису мешали мысли о леди Анне. Сейчас не время даже думать о том, чтобы завести любовницу.

– Почему вы шли в Херсли? – нарушил он на конец молчание.

Голова в капюшоне совсем поникла.

– Потому что дорога вела именно туда.

Не станет он ее жалеть. Не важно, какие там сложности у нее возникли, ясно было, что эта распутница сама же в них и виновата.

– Есть ли место, куда бы вы хотели поехать?

– Нет.

Ну, скажите, чем он заслужил такое отношение?

– Очень хорошо. Тогда вы останетесь там, где я помещу вас, а когда я вернусь, мы решим, что можно сделать в вашей ситуации. Но, повторяю, мне нет нужды заводить любовницу.

Остаток пути они хранили гробовое молчание. Херсли оказалась крошечной деревушкой, где и поселиться-то было негде, так что Френсис проехал до Ромси, где и снял несколько комнат в «Красном льве». Ввиду безупречности их одежды, а также экипажа (помогли и щедрые чаевые, конечно) владелец гостиницы не задумался об отсутствии у господ багажа. Он, казалось, поверил в то, что их неожиданно захватила буря и что миссис Хейл нужна небольшая передышка после пережитого.

Не будучи уверен, сколько времени потребуется на то, чтобы уладить все в Веймуте, Френсис оплатил двухдневный пансион и вручил Серене дополнительно несколько гиней. Когда он уезжал, от него не укрылось выражение крайнего отчаяния, мелькнувшее в ее глазах. Она не верила, что он возвратится.

Наверно, Серена согласится на первого попавшего покровителя, который предложит свои услуги.

Мысль о том, что он не застанет ее, когда вернется, чуть не заставила Френсиса развернуть лошадей и забрать Серену с собой, невзирая насколько щекотливое дело ему предстояло. Воспоминания об утренних занятиях любовью неотступно преследовали его, так же как и ее нежные руки, заставляя горько сетовать на то, что он так много проспал во время своего первого сексуального опыта.

Пусть он девственник – был им по крайней мере, – но он не считал себя невежественным. Разговоры о сексе всегда велись откровенно среди его друзей. И он знал, что пережитое им соитие было совершенно исключительным.

Значит, сказал он себе, тем больше оснований как можно дальше уехать от Серены Олбрайт.

Глава 5

Френсис попытался сосредоточиться на более важном деле – нагнать страху на Чарлза Фернклифа.

Он, что, действительно полагал, что сможет заполучить десять тысяч фунтов от матери Френсиса с помощью этого беспочвенного шантажа? Да, его мать и впрямь исключительно дорожила своей репутацией, но все же это был крайне странный маневр.

Еще страннее казалось то, что Фернклиф написал Френсису.

Похоже, этот человек отчаялся получить деньги от матери Френсиса и подумал, что сына будет легче уговорить? Поразительная глупость.

Судя по всему, этот Фернклиф весьма неуравновешенный тип, а иначе никак не объяснить его неразумное поведение. Как Френсис ни старался, ему не удалось представить свою мать в неприличной, двусмысленной ситуации. Да, конечно, она все еще красивая и молодая, но вряд ли относится к тем женщинам, которые украдкой спускаются в комнату прислуги для тайной встречи с грумом. А может, ее заметили на кафедре в объятиях старенького викария? Или она занималась любовью прямо на отчетах о состоянии поместья со стюардом?

Френсис покачал головой и, прогнав от себя дурацкие предположения, приступил к составлению плана действий. И всякий раз, когда в его мысли проникала Серена Олбрайт, мужчина решительно гнал ее образ прочь.

Вслед за поднявшимся ветром начался дождь, а дорогу и без того развезло. Да, знать бы заранее, так и не поехал бы более коротким путем от Винчестера! Теперь вот влип самым нелепым образом в такую несуразную историю...

Но он не собирался думать о своей сирене. Даже когда Френсис выбрался на хороший участок дороги, ехать все равно было тяжело. Хотя Френсис и стремился поскорее разделаться с Фернклифом, но загонять своих лошадей он не хотел. Так что в Веймут, маленький морской порт, он добрался лишь к вечеру и остановился в «Короне и якорю». Когда он навел справки о Фернклифе, то с огорчением узнал, что этот человек куда-то вышел.

Шантажисту следовало по крайней мере хотя бы из вежливости дожидаться жертвы своего шантажа.

Френсис снял комнаты, собираясь провести здесь ночь. Вопрос о том, что он вернется к Серене еще сегодня же, не возникал, но Френсис все равно разозлился из-за задержки, полностью взвалив вину на Фернклифа. Наверно, он все же отлупит этого проходимца. Френсис заказал ужин и нервно расхаживал по комнате, размышляя о возникшей проблеме, имя которой было вовсе не Фернклиф.

Должен ли он взять Серену Олбрайт в любовницы? Такое простое решение, и она могла бы стать его женщиной. Френсису ничто не мешало бы уже завтра возвратиться в гостиницу «Красный лев» и бесконечно наслаждаться ею. Он бы поселил Серену в Лондоне и дал бы ей все, чего ее душа пожелала бы.

И она бы весьма понравилась его друзьям Шалопаям. Компания Шалопаяев возникла еще в школе, поскольку и цель сплочения была – общая защита от недругов. Теперь все они были близкими друзьями, с обширными и прочными связями. Совсем недавно выяснилось, что их круг прекрасно относится и к женам, и к любовницам.

Но как же леди Анна? Безупречное воспитание не позволило бы ей устраивать скандал из-за того, что муж завел любовницу, но он-то мучился бы угрызениями совести, если бы поставил ее в это двусмысленное положение.

Вообще-то Френсису становилось неудобно, как только он начинал думать о любовнице, особенно такой, как Серена. Она была красива и явно с богатым сексуальным опытом, но ведь

может оказаться и ненасытной распутницей. В конце концов ей ничто не помешало изнасиловать совершенно незнакомого мужчину!

Его обязательства, даже долг перед семьей, требовали немедленного брака, чтобы обзавестись наследником. А постоянно растущее возбуждение вынуждало его жениться как можно скорее, чтобы заглушить свое непростительное закипание крови и сумасшедшее влечение к измучившей его воображение шлюхе.

Существовала и еще одна причина для брака, которую до сих пор он скрывал даже от самого себя.

Элеонора Делани.

Николас Делани, его друг, исчез в прошлом году, и все боялись, что он погиб, а Френсиса как магнитом потянуло к жене друга Элеоноре. Он боялся взглянуть правде в глаза и очень надеялся, что Николас все же цел и невредим. Кроме того, Элеонора была на сносях, но все же чувства эти существовали...

Благополучное возвращение Николаса, а также очевидное счастье, испытываемое его другом и Элеонорой в браке, положили конец этому увлечению. Но Френсис все равно старательно избегал друга вот уже целый год. И уповал, что женитьба позволит окончательно забыть это увлечение.

Теперь Френсис засомневался, что союз с леди Анной Пекворт смог бы вытеснить его трепетное отношение к Элеоноре Делани. Но стоило в его жизни появиться Серене Олбрайт, и образ Элеоноры померк, как бледная луна в лучах летнего солнца.

– Чума вас заберет, – ругнулся он. Серена, конечно, абсолютно неподходящая претендентка в жены, к тому же не сможет родить ему наследника.

– Что, дело и впрямь такое заковыристое? – раздался знакомый голос.

Френсис резко обернулся.

– Николас! Какого дьявола ты тут?..

Николас Делани, довольно небрежно одетый, красивый блондин, вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

– Получил загадочное послание от твоей матушки. Сам факт, что она вообще обратилась ко мне, тут же поджарил мне пятки, и вот я здесь. В чем дело?

– Письмо от моей матери? – эхом повторил Френсис, понимая всю необычность такого поворота событий. Что вынудило мать на такой шаг? Она всегда неодобрительно и ревностно относилась к дружбе Френсиса с Николасом.

Френсис подумал, не было ли все это непонятное приключение каким-нибудь хитрым, макиавеллиевским планом матери навсегда рассорить его с Николасом. Конечно, это просто смешотворно. Но поведение матери выглядело крайне подозрительным.

– Угу, от леди Мидлторп, – согласился Николас, снимая огромный плащ. – Надеюсь, ты не против моего присутствия, потому что я все равно не двинусь с места, пока не посплю.

– Разумеется, я рад видеть тебя, но мне очень неловко, что тебе пришлось совершить бессмысленную поездку. Я здесь по очень простому делу. Что тебе написала моя матушка?

Николас вручил ему листок бумаги.

«Мой дорогой мистер Делани!

Френсис отправился в Веймут, чтобы встретиться там с одним джентльменом в «Короне и якорю». Я очень беспокоюсь из-за возможных последствий и очень надеюсь, что ваше присутствие там внесет разумную струю.

Корделия Мидлторп».

– Какая муха ее укусила? – произнес озадаченный Френсис. – Она думает, что я не в состоянии без твоей помощи справиться со свихнувшимся учителем?

Николас рассмеялся.

– Если вспомнить полусвихнувшихся учителей наших школьных дней, то, может быть, она и права. Ты помнишь Симмонса? Как он гонялся за Дарием с кнутом после одной забавной шутки! Ты заказал ужин? Да? Тогда я попрошу удвоить заказ. Я умираю от голода.

Френсис открыл дверь и громко позвал хозяина гостиницы. Через минуту заказ был принят, а в комнату принесли кувшин горячего пряного пунша.

Николас устроился в кресле у огня со стаканом в руке.

– А теперь расскажи мне, из-за чего весь сыр-бор?

– Да ничего особенного, – холодно ответил Френсис.

– А-а, – чуткий Николас не стал настаивать, но Френсис перехватил изучающий взгляд друга.

– Ты в курсе, кто и где сейчас из наших? Леандер возвратился в Англию, и я надеюсь, что он осядет здесь надолго. В конце концов кто-то же должен приглядывать за его собственностью, а она у него в Сомерсете. А Майлз в Ирландии, там возникли какие-то неурядицы в одном из его поместий. Я полагаю, что все дело в контрабанде. Кажется, Саймон скоро вернется из Канады. Может, даже удастся отпраздновать воссоединение Шалопаев, конечно, тех, кто остался в живых...

Френсис плюхнулся в кресло напротив Николаса и сделал большой глоток пунша.

– Ник, вовсе ни к чему развлекать меня светской болтовней. Я прошу прощения, что прямо-таки заморозил тебя своим ответом, но тебе не стоит волноваться из-за моих дел. Просто моя матушка считает, что я даже глазурь с пудинга без твоей помощи не осилю.

– Я польщен. Признаться, я думал, будто она считает, что я дурно влияю на тебя.

– Так оно и есть. – Френсис задумался. – И это-то и подозрительно. Если мне что-либо не понравится во время ужина, лучше не ешь этого.

Николас расхохотался.

– Не ищи в ней Лукрецию Борджиа! Не думаю, что твоя матушка отважится на такие вещи.

– Ты знаешь, в последнее время я ни в чем не уверен.

– Родители имеют привычку выводить нас из себя, правда? А теперь, сам став родителем, я нахожу, что это весьма неприятная перспектива. Ведь однажды моя дочь подумает, что я старый маразматик, совершенно не разбирающийся в жизни.

Теперь расхохотался Френсис.

– Мне как-то трудно даже представить этакое.

– Мне тоже, но это ничего не меняет.

Какое-то время они болтали о друзьях и семьях, потом прибыл их ужин вместе с сообщением от хозяина гостиницы, что мистер Фернклиф все еще не возвратился. Когда они сидели за столом, Николас заметил;

– Похоже, из-за этого Фернклифа ты примчался сюда?

– Да.

Конечно, было бы противоестественно так и не рассказать Николасу, в чем, собственно, дело, но Френсису вся ситуация по-прежнему казалась подозрительной, поэтому он промолчал.

– И что же стряслось? – спросил Николас, глядя в тарелку с великолепным супом из бычьих хвостов. – Ты же знаешь, что от меня так легко не отвяжешься, так что уж лучше выкладывай, что у тебя произошло.

– Но это не моя тайна, – неловко произнес Френсис.

– А-а, в таком случае я не настаиваю. Кстати, я считал, что уже перестал совать нос в чужие дела. Просто что-то в твоём поведении убедило меня, что это касается лично тебя.

Френсис чуть не застонал от проницательности друга.

- Это... это я по другому поводу.
- И тоже не можешь поделиться? Мне оскорбиться?
- Тебе ни к чему мои проблемы.
- Тебе они тоже ни к чему. Так что поделись ими с другом.

Френсис, разрываемый между желанием рассказать все без утайки и неохотой расстаться хоть с мизерной долей своих переживаний, встретился взглядом с Николасом. Нежелание не имело ничего общего с тем легким раздражением, которое он почувствовал, когда Николас зашел в комнату. Потому что в данную минуту, как и обычно, ощущал теплоту и сердечность их отношений, такого он не испытывал больше ни к кому. Все дело в том, что Френсис не знал, как поведать о своей дилемме.

Николас последние годы провел за границей, поэтому ничего не знал об отсутствии хоть какого-то сексуального опыта у Френсиса. И Френсису совершенно не хотелось признаваться ему в этом. Френсис не представлял, однако, каким покажется Николасу, имевшему репутацию опытного любовника, его ночное приключение.

Возможно, быть соблазненным ночью абсолютно незнакомой женщиной совершенно нормально в определенных кругах?

Френсис отложил ложку в сторону.

– Вчера я во время бури подобрал на дороге женщину и провел с ней ночь в доме одного фермера. Я оставил ее в гостинице, пообещав вернуться и помочь ей, но не знаю, как это сделать поделикатнее.

– Ты не хочешь туда возвращаться? – спросил Николас с едва заметным осуждением.

– Вовсе нет. Я просто не знаю, что мне с ней делать.

Уголки губ Николаса чуть заметно дернулись.

– А какие перспективы?

– Какие угодно: от женитьбы до убийства.

Боже, только не брак, это уж слишком, напомнил он себе.

– Гм, вот как? А она тянет и на то и на другое?

– Откуда мне, к дьяволу, знать? Я даже не уверен, не соврала ли она насчет своего имени.

Николас приподнял брови.

– Настоящее приключение в духе Шалопаяев. Расскажи поподробнее.

Френсис честно поведал обо всем, не пропустив и странное, похожее на фантастический сон совращение. Николас даже присвистнул.

– Многие просто позавидовали бы тебе.

– А ты? Позавидовал бы?

И вновь между ними проскользнула тень Терезы Бельэар. Эта печально известная и красивая шлюха-француженка поставила перед собой цель – погубить Николаса, вынуждая его удовлетворять все ее сексуальные запросы любым приходившим ей на ум способом.

– Нет, наверно, я не позавидую, – тотчас посерьезнел Николас, но через мгновение на его лице вновь засияла улыбка. – Однако я откровенно намекну кое о чем Элеоноре, когда приеду домой.

– Вот именно. Какая женщина позволит себе такие вольности с совершенно незнакомым мужчиной, непрошено, нежданно-негаданно.

– Хорошо вышколенная проститутка, которая, похоже, хотела, чтобы ты почувствовал себя в долгу перед ней.

– Верно.

– Ничего не имею против опытных шлюх, если они не претендуют на большее, а ты?

Френсис не ответил. Он испытывал сильное искушение признаться Николасу, что ничтошеньки не знал о продажных женщинах.

– Ты же не женат, – подчеркнул Николас. – И я подозреваю, что эта женщина заинтриговала тебя и дьявольски тебя притягивает. Так почему бы не взять ее в любовницы?

– Ты забываешь, что я почти помолвлен.

– А-а, так все уже улажено?

– Нет. Но я собираюсь побеседовать с герцогом при первой же возможности.

– А что, возможностей до сих пор не представлялось?

Френсис бросил на друга укоризненный взгляд, и Николас рассмеялся, явно недоумевая.

– Извини. Дурная привычка. Обещаю, что больше не буду ехидничать без разрешения.

– Отлично.

Но Френсис согласился в душе, что давным-давно мог бы уладить все дела с предложением руки и сердца. Так почему же он медлил? Николас прервал его размышления.

– Итак, тебе нужно избавиться от непрошенной соблазнительницы подобру-поздорову. Расскажи мне, что ты о ней знаешь.

– Ничего.

Но под настойчивым взглядом Николаса он добавил:

– Она напугана, хотя я не знаю почему. Она прекрасна настолько, что это смущает меня. Никогда бы не подумал, что женская красота может быть помехой, но ее чары просто обезоруживают. Это нечто необузданное, дикое, как неистовый ураган прошлой ночью. Здравый смысл мужчины легко тонет в пучине желания. – Френсис замолчал, спохватившись, что сказал слишком много.

– Кажется, ты не собираешься сбить ее с рук.

Френсис подпер голову рукой.

– Наверно, я не сделаю этого.

Полено в камине с треском рассыпалось.

– Если не принимать во внимание ее сатанинскую красоту, – задумчиво произнес Николас, – кстати, твои эмоции на сей счет я прекрасно понимаю, – и тот факт, что ты собираешься жениться, есть еще какая-то причина для беспокойства?

– Господи, да разве этого мало? – спросил Френсис, поднимая голову.

– Всегда есть что-то, что перевешивает все остальное. Что тебя пугает в ней больше всего?

Френсис подумал.

– Ее красота, – сказал он наконец. – Она настоящая Лорелея и могла бы заманивать мужчин на верную смерть.

Затем, смутившись своих слов, Френсис начал неловко накладывать на тарелки бифштексы и запеканку с печенью.

– Вспомни, что говорил Мильтон, – посоветовал Николас, – и следуй его девизу: «Живите хорошо, а долго или коротко – решать Небесам». Ты вынудил меня позавидовать тебе.

Он потянулся к блюду с картофелем.

– Сомневаюсь. Ведь у тебя такая жена.

Николас на мгновение застыл, подцепив картофелину вилкой.

– А-а, так это уже можно обсуждать?

Он уложил картофелину на тарелку и поднял глаза.

– Я даже жажду, чтобы ты втюрился в эту свою Лорелею, если это вернет тебя снова к твоим друзьям.

Френсис не стал увильнуть от прямого упрека.

– Я всегда был твоим другом.

– Но другом на расстоянии.

– Извини. Я просто боялся, что возникнет нечто, чего бы я крайне не желал.

– Боялся? – Николас вопросительно взглянул на друга. – Значит, этот страх уже прошел?

Френсис смешался.

– Сейчас я в полной растерянности. Надеюсь, ты веришь, что я бы никогда...

– О чем речь, конечно! И прости за прямоту, Элеонора тоже не испытывает к тебе ничего, кроме благодарности.

Френсис усиленно ковырял вилок в тарелке.

– Я знаю. Но я совершенно не хотел поставить ее или тебя в неловкое положение.

– Ты это и не сделал. И обещаю, при первых же признаках сокрушенных вздохов или влюбленных взглядов кто-нибудь из нас опрокинет тебе на голову кувшин с холодной водой.

Друзья облегченно рассмеялись.

– Ну так мы скоро увидим тебя, а? Будем счастливы, если приедешь к нам на Рождество, но скорее всего ты проведешь его дома.

– Да. Мать придает этому большое значение. Но я навещу.

Разговор прервал владелец гостиницы, который заглянул, чтобы сообщить: мистер Фернклиф недавно вернулся и заказал себе ужин.

Френсис тут же вскочил и, вытащив пистолет с позолотой, проверил, заряжен ли он.

Николас с интересом уставился на пистолет.

– Тебе нужна помощь?

– Нет, конечно, – ответил Френсис и отправился разбираться с наглецом.

Хозяин гостиницы показал комнату Фернклифа, но когда Френсис постучал, никто ему не ответил. Он повернул ручку и вошел, но в комнате никого не было. Нахмурившись, он открыл дверь в соседнюю спальню, в которой было подозрительно пусто, более того, некоторый беспорядок говорил, что комнату покинули в спешке.

Френсис бегом спустился к хозяину, чтобы выяснить в чем дело.

– Вы назвали мне не ту комнату?

– Нет, милорд, – ответил огорченный хозяин. – Мне только что сообщили, что мистер Фернклиф упаковал свои вещи, заплатил по счету и исчез, словно за ним гнались гончие. Мне ужасно жаль, что я зря потревожил вас. Вероятно, он прочитал оставленную ему записку и срочно уехал. И никто из моих слуг не сообщил ему, что вы ждете его, милорд.

Похоже, на самом деле хозяин явно испытал огромное облегчение. Когда Френсис заметил, что в его глазах мелькнул испуг при виде пистолета, он понял почему.

– А куда он отправился? Может, на корабль?

– Нет, сэр. Сегодня уже нет никаких отправлений. У него была здесь лошадь в стойле, он на ней и уехал.

Френсис ругнулся про себя и побежал в свою комнату.

– Проклятая птичка упорхнула, – сообщил он, схватив в охапку свой плащ. – Я должен догнать его.

– Я приглашен? – спросил Николас, просветлев.

– Почему бы нет? – ответил Френсис и отправился на конюшню.

Там он и Николас наняли свежих лошадей и выехали, разузнав, куда отправился Чарлз Фернклиф, и погоняя лошадей так, что подступающая темнота делала их езду смертельно опасной.

Ночь, однако, настала очень быстро, и вскоре даже их безрассудная храбрость не помогла. Им осталось только признать, что продолжать в том же духе будет сумасшествием, к тому же шанс отыскать нужного им человека в такой мгле равнялся нулю.

Френсис витиевато выругался.

– А что он сделал? – поинтересовался Николас, сидя на лошади в небрежной позе.

Им пришлось развернуть лошадей и вернуться в Веймут. И по дороге Френсис рассказал в чем дело.

– Странная история, – согласился Николас. – Явно какой-то чокнутый, но не представляет опасности.

– Да, но такие чокнутые могут основательно попортить нервы. Вот я и собирался хорошенько припугнуть его, чтобы у него пропала всякая охота к подобным забавам.

– Должно быть, ты уже добился своего.

– Возможно! Но есть кое-какие вопросы, которые не дают мне покоя. Кто, к примеру, его предупредил? И почему Фернклиф удрал, если сам же просил меня приехать?

– А вот тут, наверное, виноват твой пистолет, – сухо заметил Николас.

– Но он же уехал до того, как узнал об этом.

– Вероятно, записка не столько предупреждала о твоём приезде, сколько о том, что он ошибся в оценке фазана, которого собирался ощипать.

– Но кто это сделал? Никто не знал, что я поехал сюда. Хозяин гостиницы сказал, что письмо привез грум.

– Похоже, наш приятель Фернклиф имеет сообщника в твоём доме.

– Проклятье!

– По крайней мере всему этому происшествию положен конец. Наверняка. Так что займись более интересной проблемой – своей незабываемой сиреной.

– Разумнее всего будет дать ей денег, чтобы она благополучно добралась до Лондона, где сможет успешно заняться своим ремеслом.

– Но «что за глупость мудрым быть», как говорят поэты.

– А те, кто не ведаёт, что творит, – блаженны? Никогда бы не подумал, что ты будешь проповедовать невежество.

– И верно. К тому же ты собираешься жениться. Да-а, тогда будет крайне неразумно связываться с такой женщиной.

– Исключено.

– Но я бы на твоём месте чувствовал себя очень неудобно, если бы просто избавился от нее. К тому же зима на носу.

– Я уверен, что она прекрасно устроится.

– Да ну?

Спустя какое-то время Френсис ругнулся.

– Нет, черт возьми. В чём-то она напоминает перепуганного насмерть ребенка.

– Ага.

Они помолчали. Теперь они ехали медленно и осторожно.

– Ну тогда, если твоя сирена согласится, думаю, ты должен отвезти ее к своей тете Арабелле.

– К тете? Почему, ради всех святых?

– Мне кажется, она нуждается в помощи.

– Тетя Арабелла? – изумленно повторил Френсис. Его тетя была нестигаемой одинокой леди, стойко защищавшей права женщин, особенно свои собственные. Он познакомил ее с Элеонорой в жуткие дни, когда Николас пропал без вести, и Николас с Арабеллой поддерживали теплые, хотя и довольно официальные отношения.

– Да нет же. Я считаю, что твоей сирене надо помочь. Но уверен, что Арабелла Херстман тут же отыщет ей полезное занятие.

Френсис мгновенно сообразил, что эта идея просто чудесно избавляла его от хлопот, связанных с Сереной. Конец ноября, что ни говори, не то время, когда женщине можно позволить бесцельно бродить по дорогам. К тому же у него постепенно начали закрадываться сомнения, была ли Серена Олбрайт такой уж прожженной потаскушкой, какой казалась. И он вовсе не почувствует облегчения, что благополучно сбыл ее с рук, когда посадит в почтовую карету до Лондона.

Френсис отчетливо понял, что совершенно не хотел отсылать ее в Лондон и по другой причине. Там Серена очень скоро отыщет себе покровителя, а он пока еще не решил, сделать ли ее своей любовницей.

Тетя Арабелла приютит ее и позаботится о ней, но не позволит никаких глупостей и разврата. Ему бы только неделю или две на размышление, и он найдет наиболее разумный выход из создавшегося положения.

– Но нельзя же просить ближайшую родственницу позаботиться о будущей любовнице! Это просто неприлично, – засомневался Френсис.

– Твоя драгоценная тетушка по крайней мере сможет проконтролировать, чтобы ты платил ей хорошие деньги, – сухо отрезал Николас.

Когда Френсис отправился на следующий день в гостиницу «Красный лев», то был уверен только в одном: он дьявольски жаждал снова увидеть Серену.

Весь предыдущий вечер он и Николас ни разу не упомянули Серену, а только делились событиями прошедшего года, много смеялись и быстро наверстывали упущенное. Расстались они утром после того, как Френсис твердо пообещал приехать в гости к Делани в их поместье «Красные дубы». Впервые за целый год Френсис был так счастлив. Он даже и не подозревал, до какой степени ему не хватало друга и сколько боли ему причинило его добровольное отлучение от самых близких ему людей.

Что ж, заслуга в воссоединении друзей полностью принадлежит Серене. Именно интерес к ней пошатнул его невольное увлечение Элеонорой Делани.

Френсис тут же подумал, что все его длительное ухаживание за Анной Пекворт даже не поколебало это увлечение.

И он принялся усерднее погонять свою четверку лошадок, озабоченный тем, что Серена может так же магически исчезнуть из его жизни, как и появилась в ней. Но когда он въехал во двор гостиницы, то сразу же увидел ее присевшей возле дымчато-рыжего кота, которого она ласково гладила. Женщина резко повернулась на звук въехавшего экипажа. Глаза ее были широко раскрыты от испуга. Френсис не знал, кого она так боялась, но по крайней мере не его. Как только Серена узнала его, страх тут же растаял, и она даже зарделась от радости. И просто расцвела от этого. Невероятная красавица. Это тут же безошибочно отозвалось в его сердце...

Женщина подошла с улыбкой на губах.

– Добро пожаловать, милорд. Надеюсь, что вы успешно справились с делами.

Френсис спрыгнул вниз.

– Увы, нельзя сказать, что преуспел.

Френсис заставил себя говорить равнодушным и холодным тоном.

– Но у меня появилось время позаботиться о вас, прежде чем я снова займусь делами.

Вы готовы к отъезду?

Улыбка Серены тут же погасла от столь оскорбительного равнодушия, но она кивнула.

Когда женщина подошла к экипажу, волна аромата вновь окутала его. Френсис нахмурился. Если она действительно теперь не пользуется этими духами, то, наверное, раньше имела привычку пропитывать ими всю одежду.

Ну от этой привычки можно избавиться.

Тут он вдруг сообразил, что строит далеко идущие планы, и велел себе все время быть начеку.

Френсис рассчитался с хозяином гостиницы, и они снова отправились в путь.

Какое-то время его спутница молчала, затем спросила:

– Куда мы едем?

Он понял, что женщина полностью доверилась ему в этом вопросе, и был тронут.

– К моей тете. У нее поместье рядом с Мальборо, в деревушке под названием Саммер Сент-Мартин.

– К тете! – вырвалось у нее. – Но, милорд...

– Она приютит вас, пока мы не придумаем, как устроить ваше будущее.

У него просто не поворачивался язык честнее высказаться о возможных планах насчет себя и ее.

– Конечно, если у вас другие планы...

– Нет, к сожалению. Мне ничего не приходит в голову. Я буквально осталась с пустым карманом.

– А как же умерший супруг? Ничего не оставил? – скептически произнес Френсис.

Она потупилась.

– Он оставил очень немного, но я не имею возможности этим воспользоваться.

– Почему?

– Я не могу вам рассказать об этом. Его лицо окаменело.

– Вы достаточно доверяете мне, чтобы поехать со мной, но не можете доверить правду о ваших обстоятельствах?

Женщина подняла голову и прямо взглянула на него.

– Поверьте, я очень хотела бы сделать это, милорд.

Она не отвела глаз и казалась абсолютно искренней.

– Ну хоть имя-то вы назвали свое?

Серена покраснела.

– Я назвала вам свою девичью фамилию, милорд.

– Почему?

– Я хотела бы навсегда вычеркнуть из памяти свое замужество.

– Тогда почему вы не снимете эти кольца? – усмехнулся он.

Женщина еще больше покраснела и, к его изумлению, немедленно последовала его совету.

– Не знаю, почему я не сделала этого раньше. Просто я так долго их носила... – Серена посмотрела на кольца. – Наверно, я смогу продать их.

– Конечно, – согласился Френсис, заинтригованный поневоле. – Я могу вам помочь, если пожелаете. Это не женское дело.

– Благодарю вас, – сказала Серена, но сунула их в свою сумочку. Что ж, она не настолько глупа, чтобы доверять ему до такой степени.

– А теперь почему бы вам не открыть мне всю правду?

– Нет, – твердо заявила она.

– Но ведь есть же хоть что-то, что вы могли бы рассказать мне, мадам. Где находится дом вашей семьи?

– Неподалеку от Луэса.

Френсис раздраженно взглянул на нее, отметив ее исключительно волевой подбородок.

– Я так и буду выжимать из вас каждое слово? Я же должен знать, зачем вы отправились непонятно куда пешком, в бурю и практически без денег, мадам?

Она резко повернулась к нему.

– Должны? А какое вы имеете право, милорд, требовать от меня подобных признаний?

– Полагаю, вы сами дали мне право заинтересоваться вами, если не больше.

Краска бросилась ей в лицо, но она не отвела глаз. И Френсис вынужден был признать, что снова сходит с ума от этого сочетания злости с многообещающим взглядом. Казалось, Серена обдумывала наиболее изощренные способы помучить его.

– Ну, что ж. Меня насильно выдали замуж, милорд, когда я была еще очень молоденькой. Когда я овдовела, то сочла себя свободной, но тут выяснилось, что мои братья замышляют еще

точно такой же брак для меня. Вот я и сбежала. Несомненно, это было крайне глупо, но у них есть способы заставить меня покориться.

Это была настолько невероятная, странная история, что Френсис подумал, уж не увлекается ли она модными дамскими душещипательными романами.

– Еще один брак стал бы для вас трагедией?

– Да, – бесцветно произнесла женщина.

– Но вы же предложили себя мне в любовницы.

– Это совсем другое.

Френсис удивленно уставился на нее.

– То есть предпочтительнее?

– Да. – Она уставилась прямо перед собой.

– Почему?

Серена медленно повернулась к нему.

– Чтобы не быть связанной клятвой перед Господом.

Эта женщина непрестанно поражала его. Только что она открыто призналась, что предпочла бы не быть связанной с одним-единственным мужчиной, но давала понять, что относится к клятвам очень серьезно и будет им верна, если ее вынудят дать их!

Что ж, если он возьмет Серену в любовницы, ему придется объяснить этой женщине несколько незыблемых правил.

Он ожидает от любовницы такой же верности, как и от жены. Во всяком случае пока будет длиться их связь.

И вообще вся эта история была чертовски подозрительной. Респектабельная вдова, пусть даже несчастливая в браке и пусть в отчаянной ситуации, не стала бы совращать его ночью, да еще так искусно! Френсису не нужно быть слишком опытным, чтобы понять это.

– Ваш муж не оставил вам ничего? – спросил он. На сей раз Серена ответила быстро.

– Оставил. Мои драгоценности и небольшую сумму денег. Но я была вынуждена бежать из дома без них. И не представляю, как я могу заставить братьев вернуть их мне. Впрочем, они скорее всего уже проиграли их в карты или на бегах. И деньги, да и драгоценности в придачу. Они просто завязтые игроки, – объяснила она.

Френсис смутно припомнил каких-то Олбрайтов, они вращались в других кругах и не были ему знакомы. Большие, грубые мужланы. И верно, их всегда можно было встретить на бегах. Но если Серена говорит правду, значит, она родилась в довольно респектабельной семье.

Френсис начал расспрашивать ее о детских годах и семье, стараясь, чтобы это не выглядело допросом, а было просто проявлением интереса к попутчице. На самом деле он все время ожидал какой-либо оговорки или несоответствия, которые выдадут ее с головой, доказав, что она вовсе не из дворянской семьи, как заявила вначале.

Но ничего развенчивающего в ее ответах не было. Более того, один факт лишний раз подтвердил, что она не солгала.

– Так вы посещали школу мисс Мэллори в Челтенхеме? Тогда вы, наверное, знаете Бет Эрмитидж?

Вот мы и выведем тебя на чистую воду, дорогая. Бет была там и ученицей, а потом и учительницей, а сейчас стала женой одного из Шалопаев – Люсьена де Вокс, маркиза Арден.

– Да, – ответила Серена, впервые за день просияв искренней задушевной улыбкой. – Я очень хорошо помню ее. Бет старше меня на год, но мы были подругами. Кажется, она вышла замуж за наследника герцогского титула. Я была очень удивлена этим, потому что она немного синий чулок, понимаете, и несколько радикальна в воззрениях.

– Она ничуть не изменилась, – сказал Френсис, расслабляясь. Серена, несомненно, хорошо знала Бет. – Они с супругом постоянно сражаются из-за этого.

– Бет сражается... со своим мужем? – растерянно повторила Серена.

– Словами, конечно.

– Неужели он позволяет это?..

– Похоже, у него нет выбора, разве что вставить ей кляп... в рот.

Но мыслями Френсис витал уже очень далеко. Он задумался о совершенно новом осложнении в его когда-то весьма упорядоченной жизни.

Как Бет отреагирует на то, что ее школьная подруга станет любовницей одного из Шалопаяев? Мораль, царившая в современном обществе, порицала подобные поступки, но с Бет ничего нельзя предсказать заранее. Она верила, что право женщины на свободу значительно дороже любых условностей света.

Именно Бет, невзирая на осуждение окружающих, сошлась и поддерживала дружеские отношения с бывшей любовницей своего мужа.

Серена облегченно вздохнула, когда лорд Мидлторп прекратил свои инквизиторские расспросы, потому что именно так все это и выглядело – дотошным допросом. Серена подумала, что, кажется, выдержала экзамен, что, впрочем, было неудивительно, ибо она говорила чистую правду.

Серена задумалась, приблизилась ли она хоть на шаг к тому, что ей предложат стать любовницей. Несмотря на бесконечные тревоги, она очень надеялась на это. Ей вовсе не улыбалось поселиться у его тети. По своему опыту Серена уже знала, что женщины, особенно чопорные накрахмаленные старые девы, начинали ненавидеть ее, едва познакомившись.

Но, с другой стороны, она не жаждала снова остаться одна.

К тому же, вспоминая о близости с лордом Мидлторпом, она понимала, что стать его любовницей будет вовсе не таким уж неприятным делом.

Тут в ее рассуждения закралась одна предательская, совершенно фантастическая мысль, что стать его женой ей было бы даже приятно. Размышляя об ужасах брака, Серена всегда воображала мужчину, похожего на Мэтью. Но лорд Мидлторп был его полной противоположностью. Он был красив и образован и казался добрым, уравновешенным и терпеливым...

Но Серена одернула себя, ты же прекрасно знаешь, что мужчины умеют притворяться добрыми, если это выгодно, но стоит только женщине оказаться в их власти, как они превращаются в лютых тиранов.

Нет, нет, только не брак. Даже с ним.

Серена снова напомнила себе, что не сможет родить наследника. Это ограждало ее от брака с большинством мужчин, потому что они хотели детей. Единственными, кто мог бы захотеть жениться на ней, были распутные дружки Мэтью, видевшие в жене безотказную, безвольную игрушку и рабыню.

Серена задумалась, как бы ей убедить лорда Мидлторпа взять ее в любовницы, вместо того чтобы отвезти ее к своей суровой тетке.

Хотя день был ясным и морозным, дороги оставались большими и грязными лужами, местами просто кошмарными и непроезжими. Вскоре стало ясно, что как ни погоняй лошадей и ни меняй их на свежих, они все равно до ночи не доберутся в Мальборо.

– Нам придется переночевать в придорожной гостинице, – сказал лорд Мидлторп.

– Да.

Серена с трепетом вопрошала себя, что подарит ей эта ночь. Конечно, она не сумеет набраться наглости и повторить вчерашнюю попытку, но есть же и другие способы обольщения. Внутренний голос по-прежнему твердил ей, что Френсис неравнодушен к ней.

Они съехали с почтового тракта, чтобы поискать гостиницу в деревне Фитлтон. Это было неприятное маленькое местечко, но располагало и спальнями, и приватными салонами – всем, что им было нужно.

Две спальни. Серена сразу поняла значение происходящего. Хотя он снова сказал хозяину, что они муж и жена, но оплатил две спальни...

Френсис, стоя в своей спальне, испытывал гордость. Он благоразумно заказал две спальни, дабы избежать огромного искушения. Привлекала сама мысль заняться любовью с Сереной, притом не во сне, а наяву, и оценить каждую новую ступень в наслаждении... Это мучило его наподобие лихорадки, пульсировало в голове...

Но он защитит и ее, и себя от этого.

Они поели в приватном салоне, и их осторожная беседа часто прерывалась мучительными паузами. И он и она боялись коснуться действительно важных или личных тем.

Отужинав, Серена встала, чтобы отправиться в свою комнату. Френсис вежливо поднялся, в глубине души даже довольный, что она уйдет раньше, чем дрогнет его сила воли.

У двери женщина остановилась.

– Я... я хотела сказать, милорд, что вам... вам не нужно... бояться... что... что повторится то... что уже однажды произошло... ночью...

Серена так восхитительно покраснела, что у Френсиса даже перехватило дыхание.

– Я знаю, – справился он наконец со своим голосом. – Спокойной ночи.

Она выскользнула из комнаты.

Френсис так и рухнул в свое кресло и выпил еще стакан вина, борясь с искушением последовать за женщиной. Пока они ужинали, его просто заворожили нежные полукружия ее груди, обнаженные глубоким вырезом платья. Но так дело не пойдет. Неужели он позволит обольстить себя этой таинственной шлюшке?

«Да! О да!» – кричала каждая клеточка его тела.

Со стоном он обхватил голову руками.

Френсис услышал, как звякнула дверная ручка в соседнюю спальню, и поднял голову. Распущенные волосы облаком окутали ее голову и плечи, а это дьявольское платье словно притягивало взгляд ко всем прекрасным линиям ее тела.

– В... чем... дело? – хрипло спросил он.

– Я... я подумала, что лучше оставлю дверь открытой. – Серена снова покраснела и быстро нырнула в свою спальню.

Френсис заворожено уставился на открытую дверь. Все, что он мог заметить, был гардероб и умывальник с белыми полотенцами, но открытая дверь сама по себе была весьма красноречивым жестом.

Серена обещала радушный прием и рай чувственных наслаждений. Она напоминала ему, что та прошлая ночь в постели с ней отнюдь не была помрачением рассудка. Эта женщина была, по крайней мере в душе, шлюхой, а он... желал ее слишком сильно, чтобы капитулировать полностью и окончательно.

Френсис тут же сказал себе, что собирается жениться на хорошей и добродетельной молодой женщине, которая расценит его любовницу как личное оскорбление.

Он должен отказаться от своего плана отвезти ее к тете Арабелле, потому что согласился на него, одурманенный чарами этой женщины. Несомненно, самое мудрое будет вручить Серене кошелек, набитый гинейями, и посадить в почтовую карету до Лондона.

Но Френсис знал также, что не сделает этого.

Глава 6

Они прибыли в Саммер Сент-Мартин в полдень. Серена выбралась из экипажа и пошла к солидному каменному котеджу со всем энтузиазмом человека, отправляющегося на виселицу. И зачем она только согласилась на это?

Потому что трусиха и жутко боялась всех остальных возможностей.

Лорд Мидлторп постучал в черную лакированную дверь. Ее открыла служанка средних лет, и тотчас ее добродушное лицо засияло улыбкой.

– Боже, это вы, милорд! Заходите, пожалуйста!

Секунду спустя в маленьком холле появилась леди постарше. Она была худой, энергичной и с сияющими глазами.

– Френсис! Какой чудесный сюрприз!

Тут она заметила Серену и удивленно подняла брови.

– Снова попал в беду, да?

Она покачала головой и пригласила их в гостиную, приказав:

– Чай, Китти.

Служанка поспешно удалилась, а Серена устало поплелась в маленькую гостиную. Арабелла Херстман оказалась вовсе не чопорной старой девой с поджатыми губами, а жизнерадостной женщиной, у которой энергия была через край. Но Серена все равно трепетала перед ней.

– Садитесь, – не церемонясь, распорядилась Арабелла, кивнув Серене на стул у камина. – Устраивайтесь поудобнее.

Затем Арабелла снова посмотрела проницательным взглядом на лорда Мидлторпа.

– Надеюсь, это не очередная жена одного из твоих друзей?

Серена изумленно посмотрела на своего спасителя и могла бы поклясться, что он покраснел.

– Конечно, нет.

Арабелла села прямо, как палка.

– Видела заметку в газете, что Черринстон женился. А он ведь один из Шалопаев, так ведь? Слишком много совпадений.

– Я лишь недавно узнал, что он вернулся в Англию, – ответил лорд Мидлторп. – И даже не знал, что он собирался жениться. Несомненно, дома меня уже ждет письмо. Наверно, Николас тоже не был в курсе дела, иначе он обязательно упомянул бы об этом.

– Ах, так ты опять якшаешься с королем Шалопаев? Тогда понятно, почему возникли проблемы.

Несмотря на колкие замечания, Серена поняла, что мисс Херстман обожает племянника, а он – ее. Ей хотелось бы, однако, хоть что-нибудь понять из этого разговора о Шалопаях.

– Тетя Арабелла, – сказал лорд Мидлторп, завладев наконец разговором, – позволь представить тебе Серену Олбрайт. Ей нужен приют на некоторое время, чтобы отдохнуть и прийти в себя. Она поссорилась с семьей. Я очень надеюсь, что вы не против позаботиться о ней несколько недель.

Поскольку Серену представили официально, Арабелла Херстман наконец рассмотрела ее повнимательнее.

– Боже, спаси и пронеси! – произнесла она. – Такое следовало бы запретить!

Серена так и вспыхнула, виновато взглянув на старую женщину.

– Извините.

Она хотела было встать, но Арабелла решительно усадила ее снова.

– Не обижайся, дитя мое! Меня просто поразила твоя наружность. Она, несомненно, доставляет тебе адские мучения.

Не в силах больше сдерживаться, Серена разрыдалась в объятиях старой леди. Она лишь смутно расслышала, как мисс Херстман позвала Китти и выпроводила Френсиса. Затем, наплакавшись до полного изнеможения, Серена с удивлением наблюдала, как ее, словно малое дитя, уложили в теплую постель и подоткнули одеяло. И лишь много позже Серена сообразила, что лорд Мидлторп уехал, а она так и не поблагодарила его.

В глубине души ей стало немного грустно, но тем не менее она с облегчением расправила плечи. Произошло чудо, и ей было даровано убежище, где она может отдохнуть, подумать и снова поверить в себя. И она была глубоко-глубоко благодарна мужчине, который привез ее сюда, но уже не жаждала его в свои покровители. Серена вообще не хотела иметь ничего общего с мужчинами.

И женщина даже не вспоминала о лорде Мидлторпе в течение первых нескольких дней. Она просто позволила Арабелле – мисс Херстман настояла, чтобы гостя называла ее именно так, – и Китти немножко побаловать себя и постепенно вовлечь ее в повседневные заботы в коттедже. Они вообще поразительно мало спрашивали.

Но как-то за чаем Арабелла вынудила ее на откровенный разговор.

– Пора бы тебе, девочка, поведать мне свою историю, чтобы мы вместе решили, что лучше всего предпринять.

Серена поникла и уставилась в свою чашку.

– Мне не хочется ворошить прошлое.

– Выплесни эту мерзость! И ты почувствуешь громадное облегчение.

Серена обиженно возразила:

– Кажется, именно таким тоном хирурги сообщают, что собираются ампутировать тебе ногу.

– Несомненно. – Арабелла была непоколебима. – И они правы. Ну так как же? Или мне нужно достать нож?

Серена вздохнула.

– Мое настоящее имя Серена Ривертон. Моим мужем был Мэтью Ривертон. Вы его, вероятно, не знаете, но...

– Конечно, я его знаю. Мэтью Ривертон. Жуткий тип. Что же ты делала, будучи замужем за ним? Он же тебе в отцы годился.

Серену вновь потрясла пронизательность Арабеллы.

– Я... у меня... не было выбора.

– У каждой женщины есть выбор, девочка, нужна только смелость, чтобы сделать его.

– Но не в пятнадцать же лет! – буркнула Серена.

– Пятнадцать! – эхом повторила Арабелла, и Серена могла бы поклясться, что она побледнела.

– Да.

– О-о-ох, бедное мое дитя.

Серена прослезилась, словно оплакивала того несчастного ребенка, каким она была в пятнадцать лет.

Арабелла подлила им обеим чаю.

– Так, все понятно. И он недавно умер, верно? Ну и в чем же проблема, девочка? Разве ты теперь не богатая вдовушка?

– Нет.

Серена отыскала свой носовой платок и высморкалась.

– Мэтью растранижил большую часть денег, пытаясь пробиться в высший свет. И прежде чем я сообразила, что происходит, мои братцы присвоили себе все остальное. Конечно,

я вела себя как идиотка, но я просто поглупела от радости. Эйфория. Я никогда не думала... Мне и в голову не приходило, что они могут...

– Захватить все и оскорблять тебя? Ты не знаешь мужчин, дорогая. Дай им только полшанса, и они тут же отхватят все, а добрая половина станет творить насилие.

Арабелла задумчиво поджала тонкие губы.

– Несомненно, твои деньги можно вернуть через суд...

– Наверное, – сказала Серена, нервно вращая чашку на блюдце. – Но денег было не так много: около трех тысяч фунтов. – А обращение в суд стоит дорого, эти деньги ушли бы просто на счета за судопроизводство. К тому же, – робко добавила она, – я боюсь братьев. Я знаю, они не имеют права заставить меня снова выйти замуж, но боюсь, они именно так и сделают. Так что лучше пусть не знают, где я.

– Ну ладно, – промолвила Арабелла, как будто все это не заслуживало особого внимания. – Ты останешься у меня. Мне не помешает компаньонка. Правда, это довольно скучная жизнь для красивой молодой женщины...

– Это чудесная жизнь, – с жаром произнесла Серена, и в душе у нее зародилась надежда на спокойную и безопасную жизнь. Будущее рисовалось ей прекрасным и волнующим.

– На время, конечно, сойдет, – скептически поддакнула Арабелла. – И конечно, послушаем, что скажет по этому поводу Френсис.

– Мне не хотелось бы как-то зависеть от его доброты, – мгновенно произнесла Серена.

Арабелла нахмурилась.

– Френсис не имеет никакого права диктовать мне, что делать, – поправила она Серену. – Ну-ка повтори это.

Серена ахнула, но увидела, что Арабелла не шутит.

– Он не имеет никакого права диктовать мне, что делать, – неуверенно промолвила она. – Но...

– Повтори еще раз.

Серена открыла рот.

– Если Френсис не имеет, то и вы тоже!

Арабелла усмехнулась.

– Умница. Я так и знала, что у тебя есть характер. Просто тебе необходимо немножко практики, чтобы проявить себя. Первым делом, однако, надо снабдить тебя какими-нибудь платьями.

– У меня всего четыре гиней.

– Я настояла, чтобы Френсис оставил для тебя деньги. Около двадцати фунтов.

– Я не буду тратить его деньги, – тут же возразила Серена. – В противном случае он будет иметь право мной распоряжаться.

Арабелла окинула ее скептическим взглядом.

– Значит, твоя красная цена всего двадцать фунтов?

Это было абсурдно, смешно и до слез обидно.

– Нет, но...

– Френсис дал мне эти деньги, исходя из своих соображений, девочка, и ты ничего ему не должна.

На какую-то долю секунды Серена ужаснулась, не рассказал ли лорд Мидлторп своей тете о ее бесстыдном поведении, а эти деньги оставил в качестве отступных. Но этого просто не могло быть!

Но, однако, это событие камнем лежало на его совести, и Серена знала, что мужчина добрый и совестливый, почувствует себя в какой-то степени виноватым. И если эти деньги освободят его от подобного груза, она будет только рада.

Серена потратила часть денег на ткань для двух простеньких платьев и еще немного на деревенскую портниху. Миссис Причард сшила ей также необходимое нижнее белье и ночную рубашку.

Миссис Причард хотела бы сделать все по моде и с большей фантазией, но Серена настояла на почти что школьной простоте и, надев платье, просто расцвела. Удобное, закрытое, с достаточно широкой юбкой... Подобного ей никогда не позволял Мэтью. А ведь такой наряд – настоящее блаженство! К тому же непритязательный фасон был ей к лицу, а самое главное – она в нем не мучилась никакими воспоминаниями. И никаких навязчивых ароматов!

Ее отделанная мехом накидка все еще благоухала, так что Серена последовала совету лорда Мидлторпа и каждое утро выносила ее на свежий воздух. А пока была счастлива, надевая старенькую накидку Арабеллы из красной шерсти.

Она стала собирать волосы в тяжелый узел, не позволяя локонам выбиваться из него. Женщина не обманывала себя, что стала менее броской, но чувствовала себя значительно спокойнее. И с превеликим удовольствием окунулась в приготовление деревни к рождественским праздникам.

Подготовкой к Рождеству Серена не занималась со времени своего замужества, и сейчас это доставляло ей искреннюю радость. Она украшала ветками сосны и ели коттедж и провела много часов, убирая церковь Сент-Мартина. Деревенские жители восприняли ее как юную гостью мисс Херстман.

Серена даже ощутила в себе силу, чтобы строить планы на будущее. Несмотря на чудесные отношения, Серена понимала, что не может вечно оставаться у Арабеллы. Видя, однако, что люди неплохо относятся к ней, она подумывала, не подыскать ли себе работу. Только не гувернанткой, потому что все немедленно вернется на круги своя, но хотя бы компаньонкой у престарелой леди. Арабелла дала бы ей рекомендации, и здешний викарий тоже. Арабелла может даже подыскать подходящую леди.

Едва настанут теплые весенние деньки, Серена начнет независимую жизнь, а пока она просто наслаждалась. Она действительно впервые в своей взрослой жизни была счастлива.

Но однажды утром слегка смущенная Арабелла сказала ей:

– Я как-то не подумала, но, вероятно, тебе ежемесячно нужны прокладки, дорогая. Я просто позабыла, поскольку, слава Господу, у меня все это осталось в далеком прошлом. В шкафу с бельем уйма белой фланели. Так что бери, сколько угодно.

Серена, заикаясь, пробормотала слова благодарности, и добрая Арабелла приняла это за стеснительность, но дело было совсем в другом. Серена осознала, что все сроки уже прошли. Она еще раз пересчитала дни, все верно – крови должны были прийти еще неделю назад. Она слышала, что пережитое потрясение может нарушить цикл, но поскольку раньше вся ее жизнь состояла из сплошных переживаний, то ее организм работал ритмично.

Но ведь она не может ждать ребенка?!

Она же не способна к деторождению!

Призвав на помощь здравый смысл, Серена подавила панику. Она не может забеременеть. Врач Мэтью объяснил, что у нее деформация матки, и за восемь лет брака она ни разу не беременела. Наверняка приключения последних дней внесли легкий беспорядок в работу организма. И Серена присоединилась к Арабелле, готовившей вещи для деревенских бедняков, благодаря небеса за то, что лишили ее возможности рожать.

Если бы она забеременела, то просто и не знала бы, что делать.

Пока Серена возносила горячие молитвы Господу, Френсис сидел в клубе Уайта за довольно скучным ужином. Он уже целую неделю пытался разыскать Чарлза Фернклифа, поскольку вовсе не был уверен, что этот мужчина не примется за старое. Но поиски ни к чему не привели.

Френсис узнал, что Фернклиф был младшим сыном лорда Берроу из Дербишира, но деликатные расспросы выявили, что родственники полагали, будто он по-прежнему работает у Шипли. Расспросы в Веймуте тоже не дали ничего нового. Во время короткого пребывания в гостинице Фернклиф почти все дни проводил в седле. Дескать, его очень интересовали развалины англосаксонских церквей. Господи спаси!

Что скрывалось за этой фразой? Кража? Но остатки англосаксонской культуры в округе представляли собой каменные кресты и церковные развалины. Не стащишь ничего, что можно было бы продать.

Сегодня Френсис получил письмо от матери, которая клятвенно заверила его, что шантажист больше ее не беспокоил. Более того, она настаивала, чтобы он немедленно занялся устройством своих личных дел и повидал леди Анну, потому что герцогиня тактично расспрашивала ее, почему он пропал и не пишет. И в самом конце письма леди Мидлторп в приказном порядке велела сыну быть в поместье Прайори на Рождество.

Френсис пришел к выводу, что мать была абсолютно права. Разумеется, Фернклифа хорошенько напугали, а Анна должна недоумевать, что же случилось. Он с ужасом вспомнил, что даже не написал ее родителям, пытаясь хоть как-то извиниться за длительное отсутствие. Но если он выедет завтра же, то сможет заехать в Ли-парк на пару деньков и успеет попасть домой к Рождеству.

Но как же быть с Сереной? Поскольку ему не сообщили ничего нового, Френсис предполагал, что она все еще в Саммер Сент-Мартине. Впрочем, такая женщина вряд ли задержится там навсегда. Он должен будет послать еще денег – солидную сумму – и дать понять тете Арабелле, что Серена сама должна решить свою судьбу. Серена наверняка отправится в Лондон, как только настанут теплые деньки, и найдет себе покровителя в считанные дни...

Тут же в голове Френсиса замелькали более привлекательные планы.

Ведь все так легко можно устроить. Он бы снял небольшой домик в Лондоне, меблировал его и нанял бы слуг, умеющих держать язык за зубами. А после этого съездил бы в Саммер Сент-Мартин и сказал: «Я прошу вас стать моей любовницей». И Серена тут же присоединилась бы к нему. Они были бы счастливы целую вечность.

Френсис помотал головой, прогоняя соблазнительные картины. Этого нельзя допустить.

Он считал, будто его одержимость Сереной возникла только оттого, что она была его первой женщиной. Чтобы справиться с навязчивым образом, Френсис даже решил наведаться в бордель. Но так и не прошел через это горнило. Искусные шлюхи по-прежнему вызывали в нем брезгливость и отвращение.

И он к тому же крайне сомневался, что столь мимолетное совокупление излечит его от всепоглощающей страсти к этой необыкновенной женщине.

Кажется, нет ничего более странного, чем совращение ночью случайной попутчицей.

Но вопреки здравому смыслу та встреча не казалась случайной и незначительной.

Френсис испытывал огромное искушение перестать расспрашивать о Фернклифе, а начать интересоваться Сереной Олбрайт. Он бы мог с легкостью разузнать всю ее подноготную. Но понял, что тогда он еще больше запутается. Станет не легче, а лишь невыносимее выбросить ее из головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.